Рошеръ говоритъ, что цѣнность въ употребленіи хлѣба, въ случаѣ его неурожая, если ее разсматривать въ *конкретномъ видѣ*, больше, нежели таже цѣнность въ случаѣ обильной жатвы. Для насъ очевидно только одно, что въ случаѣ хорошаго сбора хлѣба цѣнность его въ употребленіи увеличивается, а цѣнность мѣновая тогоже хлѣба уменьшается; и наоборотъ, при дурномъ урожаѣ хлѣба, цѣнность въ употребленіи этого хлѣба уменьшается, а его цѣнность мѣновая увеличивается, и что какъ изобиліе хлѣба, такъ и его недостатокъ, составляютъ одинаково общественное бѣдствіе. Мы сознаемся откровенно, что, хотя этому явленію и не удивляемся, такъ какъ мы въ состояніи объяснить себѣ его настоящую причину, но оно не можетъ насъ не печалить. —

Мы сказали, что цѣнность есть сила. Двѣ однородныя силы, или одна и таже сила, въ двухъ различныхъ случаяхъ ея приложенія, могутъ производить различныя количества движенія. Изъ сравненія между собою этихъ количествъ, можно дѣлать заключеніе о большей или меньшей напряженности силы, въ различныхъ случаяхъ, о большей или меньшей ея величинѣ. Слѣдовательно, сила можетъ быть разсматриваема, и дѣйствительно разсматривается, какъ величина, и ее можно измѣрять. Тоже можно сказать и о цѣнности: и ее можно разсматривать, какъ величину, ее можно измѣрить. Какъ всякую величину мы понимать можемъ не иначе, какъ по сравненію ея съ другою однородною величиною, такъ точно и цѣнность мы понимать можемъ не иначе, какъ посредствомъ сравненія ея съ другою цѣнностью. Какимже образомъ можемъ мы измѣрять какую-нибудь величину? Этого мы можемъ достигнуть посредствомъ сравненія двухъ величинъ между собою; или сравнивъ данную величину съ другою ей однородною, непосредственно; или сравнивъ двѣ данныя величины съ другими двумя величинами, хотя и разнородными, но очевидно находящимися въ такомже между собою отношеніи, какъ и двѣ данныя величины. Данный уголъ напр. мы можемъ измѣрить, или сравнивъ его непосредственно съ другимъ угломъ, или тогоже измѣренія можемъ достигнуть, сравнивъ два данные

угла съ двумя дугами, находящимися въ такомъ между собою отношеніи, какъ и два данныхъ угла, и заключивъ, что первый уголъ во столько больше или меньше втораго, во сколько разъ соотвѣтствующая ему первая дуга, больше или меньше соотвѣтствующей другому углу второй дуги. Поэтому въ геометріи и говорится, что уголъ можетъ быть измѣряемъ дугою. Такъ точно, имѣя двѣ данныя цѣнности, мы можемъ измѣрять всякую изъ нихъ, чрезъ непосредственное сравненіе съ другою, или можемъ заключать объ ихъ взаимномъ между собою отношеніи, по отношенію между собою производимыхъ этими двумя цѣнностями количествъ движенія цѣнныхъ предметовъ, удовлетворенія потребности. За 1 пудъ желѣза, на данномъ рынкѣ, даютъ 3 рубля. Въ этомъ случаѣ, мы измѣрили цѣнность 1 пуда желѣза цѣнностью 3 серебряныхъ рублей, или лучше цѣнностью заключеннаго въ 3-хъ серебряныхъ рубляхъ металла; но замѣтимъ, что о цѣнности этого металла мы судить безусловно не можемъ: эту цѣнность понять, а слѣдовательно, измѣрить, мы можемъ не иначе, какъ сравнивъ ее опять съ какою-нибудь цѣнностью; напр. мы скажемъ, что на томже рынкѣ за 3 сер. рубля (за металлъ, заключающійся въ этихъ 3-хъ сер. рубляхъ) даютъ 3 пуда пшеничной муки, извѣстнаго качества.

Этотъ способъ измѣренія цѣнности, съ перваго взгляда, казался бы самымъ простымъ и самымъ удобнымъ; но, при настоящихъ экономическихъ условіяхъ, онъ, посредствомъ *мѣны*, вполнѣ не достигается. Именно мѣна, въ теперешнемъ ея видѣ, служитъ собственно не единственымъ средствомъ измѣренія цѣнностей, но имѣетъ задачею достигнуть еще другой цѣли, полученія дохода; а мы уже видѣли, что количество этого дохода, хотя во всякомъ данномъ случаѣ производства цѣнности и прямо-пропорціонально полезности производимыхъ предметовъ, но оно обратно-пропорціонально ихъ изобилію, а, слѣдовательно, и обратно-пропорціонально настоящей цѣнности этихъ предметовъ, заключенной въ нихъ силѣ дѣйствительно удовлетворять потребности; потому что, очевидно, что масса заключенной въ данномъ предметѣ цѣнности (въ настоящемъ значеніи этого сло-

ва, силы, удовлетворяющей потребности) тѣмъ больше или тѣмъ меньше, чѣмъ больше или меньше количество или масса потребности, удовлетворяемой этою цѣнностью.

Итакъ цѣнность, какъ силу удовлетворяющую потребности, удобнѣе измѣрять посредствомъ *количества движенія* цѣнныхъ предметовъ, производимаго цѣнностью. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ образованія такой цѣнности. a) Данное количество питательнаго вещества, заключенное въ извѣстномъ количествѣ пудовъ муки, положимъ 20,000, удовлетворило потребности 10,000 человѣкъ въ теченіе одного мѣсяца; оно ими потреблено. Выразимъ этотъ случай приведенною выше формулою: X=M. V. Нужно знать величину цѣнности этой массы муки (цѣнности понимаемой, какъ сила, дѣйствительно удовлетворяющая потребности) Здѣсь X выражаетъ количество движенія даннаго предмета, заключающаго въ себѣ цѣнность; по величинѣ этого количества можно судить и о величинѣ самой силы цѣнности: M, означаетъ массу цѣнныхъ предметовъ или предмета, V скорость удовлетворенія потребности. Какъ въ настоящемъ случаѣ M=20,000 а V=1. то X=20,000. ***Величина цѣнности муки равна ея массѣ.*** b) Данное количество муки напр. 40,000 пудовъ, въ теченіе 1 мѣсяца, удовлетворило потребности 20,000 человѣкъ; нужно знать величину цѣнности этой муки. Выразимъ этотъ случай формулою: X′=M. V. Изъ этой формулы получимъ величину X′=40,000. Если мы сравнимъ между собою количества X и X′, выражающія количество движенія цѣннаго предмета, въ двухъ случаяхъ производства цѣнности, то увидимъ, что первое изъ нихъ вдвое меньше противу втораго, что X: X′=1: 2, откуда мы заключимъ, что первая цѣнность вдвое меньше второй. Скорость удовлетворенія потребности въ приведенныхъ двухъ случаяхъ одна и таже V=V′; но масса цѣнныхъ предметовъ, и масса удовлетворенной потребности во второмъ случаѣ вдвое больше, нежели въ первомъ, потому и величина цѣнности во второмъ случаѣ, вдвое больше, нежели въ первомъ. ***Величина этой цѣнности прямо пропорціональна массѣ удовлетворенной потребности, и массѣ цѣнныхъ предметовъ;*** она увеличивается

или уменьшается совершенно въ тойже пропорціи, въ какой уменьшается или увеличивается масса удовлетворенной потребности и масса цѣнныхъ предметовъ. Замѣтимъ сейчасже, что скорость удовлетворенія разсматриваемой здѣсь нами потребности не можетъ и не должна увеличиваться, ни уменьшаться безъ нарушенія естественнаго, нормальнаго и законнаго интереса человѣка (такъ какъ среднимъ числомъ 2 пуда хлѣба въ мѣсяцъ достаточно для 1 человѣка) безъ поврежденія дѣлу удовлетворенія его потребности, и что слѣдовательно въ этомъ случаѣ нормальный интересъ человѣка не есть безусловное ускореніе потребленія хлѣба, *а увеличеніе массы* цѣнныхъ предметовъ, сообразное увеличенію массы потребности.

c) Данное количество муки, напр. 20,000 п., совершенно удовлетворило потребности 10,000 чел. въ 1 мѣсяцъ; слѣд. цѣнность этой массы муки, на основаніи приведенной выше формулы, выразится числомъ 20,000. Въ другомъ случаѣ, тѣ же 20,000 пуд. муки, должны были удовлетворять потребности тѣхже 10,000 человѣкъ въ теченіе 2 мѣсяцевъ, слѣдовательно со скоростью вдвое меньшею, нежели въ первомъ случаѣ (муки не было больше, какъ 20,000 пуд.). Очевидно въ этомъ второмъ случаѣ было *меньше* удовлетворенія потребности, нежели въ первомъ, количество движенія цѣнныхъ предметовъ (предметовъ, къ которымъ была *приложена*, какъ говорятъ въ механикѣ *сила*, цѣнности) было вдвое меньше, нежели въ первомъ случаѣ; отсюда мы заключимъ, что и сама цѣнность была вдвое меньше. Выразимъ первый изъ этихъ случаевъ формулою X=M. V, а второй формулою X′=M. V. Въ первомъ мы получили X=20,000, во второмъ M′=M, слѣдовательно M′=20,000, но $V'=\frac{V}{2}$ слѣдовательно $X=\frac{20,000}{2}$ =10,000. Слѣдовательно, будетъ X: X′=2: 1. Величина цѣнности въ первомъ случаѣ вдвое больше, нежели во второмъ. ***Количество движенія цѣнныхъ предметовъ, стало быть и величина образовавшейся цѣнности, при одинаковой массѣ цѣнныхъ предметовъ, увеличивается или уменьшается сообразно увеличенію или уменьшенію скорости потребленія цѣн-***

ныхъ предметовъ. Само собою разумѣется, что скорость эта понимается, какъ существующая въ границахъ, опредѣленныхъ природою человѣка и его потребностей.

Возьмемъ еще одинъ случай удовлетворенія потребности и образованія цѣнности: d) Данное количество муки, напр. 40,000 пудовъ, удовлетворило потребности 10,000 человѣкъ, въ теченіе 2 мѣсяцевъ, значитъ оно-бы удовлетворило въ теченіе 1 мѣсяца потребность 20,000 человѣкъ, а слѣдовательно, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, величина образовавшейся цѣнности была бы вдвое больше, нежели величина цѣнности въ первомъ. Но это можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда количество данной потребности увеличится тоже вдвое, сообразно увеличенію массы цѣнныхъ предметовъ; въ противномъ случаѣ, вся масса произведенныхъ предметовъ не удовлетворитъ потребности, не будетъ вся цѣнна, вся заключенная въ ней полезность не обратится въ цѣнность; но тѣмъ не менѣе часть этой массы полезныхъ предметовъ не должна быть *и вредною*. Очевидно интересъ человѣчества состоитъ въ томъ, чтобы въ этомъ случаѣ не было экономическаго страданія, чтобы *производство данной массы полезности, которая, въ настоящее время, не можетъ обратиться въ цѣнность, не было бѣдствіемъ*. При теперешнихъ условіяхъ экономической дѣятельности, достигнуть этой цѣли, воспрепятствовать тому, чтобы излишне-произведенная полезность не составляла бѣдствія, есть назначеніе *кредита*. Мы въ послѣдствіи разсмотримъ подробно, до какой степени эта цѣль достигается кредитомъ, и на-сколько она можетъ быть имъ достигнута.

Сравнимъ только-что приведенный случай образованія цѣнности съ тѣмъ, который мы разсматривали подъ буквой c). Здѣсь количество произведенныхъ предметовъ *вдвое больше* настоящей въ нихъ потребности; слѣдовательно, при существованіи естественныхъ границъ возрастанія скорости удовлетворенія разсматриваемой здѣсь потребности, не вся масса заключенной въ этихъ предметахъ полезности перешла въ цѣнность, въ силу, удовлетворяющую потребность. Тѣмъ не менѣе, отъ увеличенія

массы цѣнныхъ предметовъ не должно произойти бѣдствія; даже, собственно говоря, нельзя сказать, что въ этомъ случаѣ отъ производства полезныхъ предметовъ въ большемъ противу существующей потребности количествѣ, уменьшилась цѣнность какъ сила; а только *не вся полезность перешла въ цѣнность*, но дѣло удовлетворенія существующей потребности отъ этого не потерпѣло нимало: вся ея масса удовлетворена вполнѣ. Замѣтимъ еще, что все сказанное вполнѣ относится *до всякаго* однороднаго случая производства цѣнности, а слѣдовательно и до всей суммы такихъ случаевъ, могущихъ встрѣтиться въ экономической жизни общества. Но чтоже бываетъ съ мѣновою цѣнностью предметовъ, въ данномъ, подобномъ настоящему, случаѣ ихъ производства? Она очевидно *уменьшится*, и на практикѣ, въ случаяхъ, подобныхъ теперь разсматриваемому, уменьшается въ пропорціи гораздо большей, нежели та, въ которой увеличивается количество производимыхъ предметовъ. Настоящій и нормальный интересъ человѣка, удовлетвореніе потребности, при этомъ тоже страдаетъ, потому, что съ уменьшеніемъ мѣновой цѣнности произведенныхъ предметовъ, уменьшается и количество дохода ихъ производителей. Въ послѣднемъ случаѣ, разсматриваемомъ нами подъ буквою d), наоборотъ , масса произведенныхъ предметовъ, недостаточна для удовлетворенія существующей въ нихъ потребности, потому и количество движенія цѣнныхъ предметовъ, и величина самой цѣнности уменьшилась, и уменьшилась именно потому, что *люди принуждены были уменьшить скорость удовлетворенія своей потребности*. Но чтоже сдѣлалось въ этомъ случаѣ съ мѣновою цѣнностью этихъ предметовъ? Очевидно, она увеличилась. И въ случаяхъ, подобныхъ приведенному, уменьшенія количества произведеній, по отношенію количества существующей въ нихъ потребности, мѣновая цѣнность этихъ произведеній увеличивается въ пропорціи гораздо большей, нежели та, въ которой уменьшается ихъ количество. А Рошеръ говоритъ еще, что между цѣнностью въ употребленіи и цѣнностью мѣновою нѣтъ противорѣчія.

Мы предвидимъ возраженіе, которое намъ можетъ быть здѣсь сдѣлано. Намъ скажутъ: какъ случай произведенія полезныхъ предметовъ въ количествѣ излишнемъ противъ необходимаго, такъ случай произведенія такихъ предметовъ въ количествѣ недостаточномъ противу существующей въ нихъ потребности, равно ненормальны. Предметы полезные надо производить въ количествѣ, как-разъ соотвѣтствующемъ существующей въ нихъ потребности. Какъ, съ одной стороны, необходимо употреблять всю дѣятельность для того, чтобы производить необходимые или полезные предметы, въ количествѣ, соотвѣтствующемъ существующей въ нихъ потребности, такъ, съ другой стороны, не должно употреблять этой дѣятельности на произведеніе полезности, немогущей обратиться въ цѣнность, немогущей дѣйствительно удовлетворить потребности. На такое возраженіе мы замѣтимъ, что оно моглобы имѣть силу только тогда, еслибы производимая въ данныхъ случаяхъ полезность не могла переходить въ цѣнность единственно по поводу *несуществованія потребности*, еслибы заключенная въ данныхъ предметахъ, явленіяхъ и благахъ, полезность потому только не удовлетворяла потребностей, что ихъ нѣтъ. Но так—ли бываетъ на самомъ дѣлѣ? Существованіе пауперизма, вѣрность формулы Мальтюса, что средства содержанія умножаются въ прогрессіи ариѳметической, а народонаселеніе умножается въ прогрессіи геометрической, убѣждаютъ насъ въ противномъ. Произведенная полезность бываетъ *излишняя* не потому, чтобы не существовало потребности, сближеніе съ которою перемѣнило бы ее въ цѣнность, а потому, что существующая потребность не имѣетъ *дохода*, посредствомъ котораго она единственно можетъ быть удовлетворена при существованіи настоящихъ экономическихъ условій. Фактъ произведенія полезности, не сейчасъ, не немедленно удовлетворяющей потребность, самъ по себѣ не имѣетъ ничего ненормальнаго; въ хорошо устроенныхъ машинахъ, сила, въ данномъ случаѣ излишняя, *сберегается* для другихъ случаевъ. Ненормальное употребленіе дѣятельности человѣка бываетъ тогда, когда она *не производитъ ничего полезнаго*, или *производитъ явленія вредныя*.

Фактъ произведенія излишней полезности дѣлается ненормальнымъ только отъ существованія теперешнихъ экономическихъ условій, вслѣдствіе которыхъ, при такомъ случаѣ производства, *мѣновая цѣнность* произведенныхъ полезныхъ предметовъ *уменьшается* въ пропорціи даже большей нежели та, въ которой увеличилось количество данныхъ полезныхъ предметовъ, и вслѣдствіе, которыхъ поэтому, въ такойже пропорціи, уменьшается и доходъ производителей, и самая ихъ возможность удовлетворять свои потребности. Наконецъ на это возраженіе мы скажемъ, что все-таки существованіе замѣченнаго нами противорѣчія между интересами одного и тогоже общества несомнѣнно. Нормальный и естественный интересъ этого общества требуетъ, чтобы было какъ можно больше полезныхъ предметовъ, интересже его прибитой и анормальный требуетъ, чтобы предметовъ было какъ можно меньше.

Мы предвидимъ еще и другія возраженія, но съ ихъ опроверженіемъ мы удержимся до тѣхъ поръ, пока они будутъ сдѣланы; теперьже обратимся къ изслѣдованію измѣренія цѣнности.

Величина, почемубы-то ни было, принятая за средство измѣренія другихъ однородныхъ величинъ, называется *единицею*. Собраніе нѣсколькихъ единицъ, или нѣсколькихъ частей одной и тойже единицы, называется числомъ. Такъ и цѣнность, принятая за средство измѣренія другихъ цѣнностей, есть *единица цѣнности*. Такою единицею можетъ быть цѣнность какъ чеканенныхъ металловъ, такъ и цѣнность всякихъ другихъ полезныхъ предметовъ. Но какъ величина цѣнности, какъ мы это видѣли, можетъ быть измѣряема и посредствомъ количества движенія цѣнныхъ предметовъ, или посредствомъ величины удовлетворенія потребности (подобно тому, какъ уголъ измѣряется дугою), то и эту величину удовлетворенія потребности можно принять за единицу цѣнности. Собраніе нѣсколькихъ единицъ цѣнности, или нѣсколькихъ частей такихъ единицъ цѣнности, выраженное положительнымъ образомъ, называется *цѣною*. Слѣдовательно, цѣна даннаго цѣннаго предмета, блага или явленія, показываетъ только,

сколько извѣстныхъ единицъ цѣнности или сколько частей извѣстной единицы цѣнности заключается въ этомъ предметѣ.

Эти понятія простыя и ясныя нѣсколько запутаны въ изложеніи экономистовъ. Первая запутанность состоитъ къ неточномъ опредѣленіи цѣны. Мы видѣли, что М. Шевальэ и г. И. Пасси цѣну даннаго предмета опредѣляютъ непремѣнно количествомъ чеканеннаго металла, въ чемъ собственно говоря нѣтъ никакой надобности; вторая запутанность относится до такъ называемаго общаго мѣрила цѣнности, étalon de la valeur.

Вопросъ, существуетъ-ли или нѣтъ постоянное мѣрило цѣнности, запутанъ, вслѣдствіе неточности понятій о постоянномъ мѣрилѣ величины вообще. Полагали, что какъ можно имѣть постоянное и безусловное мѣрило длины, такоеже мѣрило можно имѣть и для цѣнности. Такъ думалъ между прочимъ Прудонъ; но г. И. Пасси и другіе, допуская существованіе такого мѣрила для длины, не знаю, почему-то отвергаютъ его для цѣнности. Однако и для длины такого безусловнаго мѣрила нѣтъ и быть не можетъ. Но постараемся разобрать этотъ предметъ подробнѣе.

Многіе полагали, что для величины, названной *длиною*, найдено *постоянное* и *безусловное мѣрило*, измѣреніемъ части меридіана и установленіемъ *метра*. Метръ есть опредѣленная, точно-извѣстная, и никогда измѣниться немогущая часть опредѣленной, точно-извѣстной и неизмѣнной длины, а, слѣдовательно, онъ можетъ служить постоянною единицею, постояннымъ и безусловнымъ мѣриломъ всякой длины. Точно такоеже разсужденіе прилагали и къ цѣнности. Какъ цѣнность есть величина, то и полагали, что можно найти какую-нибудь цѣнность, которая могла бы служить безусловнымъ мѣриломъ всякой данной цѣнности. Прудонъ думалъ найти такое мѣрило цѣнности въ *трудѣ*, или лучше сказать, въ *цѣнности труда*.

На это замѣтили, что метръ никогда не измѣняется, его длина ни увеличивается, ни уменьшается, между тѣмъ какъ мѣновая цѣнность, напр. рабочаго дня, разъ бываетъ больше, другой разъ меньше.

Мы замѣтимъ, что, собственно говоря, даже мѣновую цѣнность даннаго предмета надо измѣрять ни чѣмъ другимъ, какъ мѣновою цѣнностью тогоже даннаго предмета. Напримѣръ: мѣновая цѣлность массы пшеницы, можетъ быть измѣрена только мѣновою цѣнностью массы пшеницы, принятой за единицу, наприм. четвертью, квартеромъ и т. п. Если цѣнность мѣновая данной массы пшеницы, на извѣстномъ рынкѣ, въ извѣстный моментъ времени, уменьшится или увеличится, то въ такойже степени уменьшится или увеличится и мѣновая цѣнность четверти или квартера пшеницы. Въ этомъ случаѣ, четверть или квартеръ пшеницы (ихъ цѣнность) совершенно также вѣрно измѣряютъ цѣнность всякой данной массы пшеницы, какъ метръ измѣряетъ всякую длину. Цѣнностиже пшеницы, въ строгомъ смыслѣ, нельзя измѣрять цѣнностью напр. золота, потому, что пшеница удовлетворяетъ совершенно другой потребности, *нежели* золото. Однако все-таки можно измѣрять цѣнность одного предмета цѣнностью другихъ предметовъ, но не иначе, какъ принявъ въ соображеніе *извѣстный рынокъ* и *опредѣленный моментъ времени*, какъ условія, при которыхъ образовались извѣстныя отношенія между цѣнностями различныхъ предметовъ, т. е. между потребностями, которымъ эти предметы удовлетворяютъ. И въ такомъ случаѣ цѣнность наприм. серебра, заключеннаго въ 1 рублѣ, цѣнность пшеницы, заключенная въ 1 квартерѣ или четверти пшеницы, относительно всѣхъ прочихъ цѣнностей, играетъ такуюже роль, какъ метръ относительно длины.

Можно однако отыскать для измѣренія цѣнности и мѣрило болѣе постоянное. Если разсматривать цѣнность, какъ силу, удовлетворяющую потребности, и величину ея выразить въ единицахъ, показывающихъ отношеніе между ея напряженіемъ и высотою, на которую она подвигаетъ удовлетвореніе потребности, если притомъ, съ возможною точностью, опредѣлить сумму всѣхъ потребностей *средняго человѣка*, то мы полагаемъ, что можно такимъ образомъ найти единицу цѣнности, которая могла бы служить для ея измѣренія, по крайней мѣрѣ, во множествѣ случаевъ. Такъ величина силы механической, какъ извѣстно, измѣряется

пудо-футомъ; но пудо-футъ измѣняется сообразно измѣненію дѣйствія силы тяжести на различныхъ мѣстностяхъ земнаго шара, и потому не можетъ служить постояннымъ мѣриломъ величины механической силы для всѣхъ безъ исключенія мѣстностей.

Иногда принимаютъ метръ за безусловную длину, и думаютъ, что онъ потому именно и служитъ всеобщимъ мѣриломъ длины; но метръ не заключаетъ въ себѣ длины безусловной, мы даже о такой длинѣ не можемъ имѣть понятія. Въ самомъ дѣлѣ: какъ мы получили понятіе о длинѣ меридіана и метра? Очевидно, *измѣривъ ихъ* длину, т. е. сравнивъ эту длину съ другою какою-нибудь длиною. Допустивъ даже, что длина меридіана и метра никогда не измѣнится, что мы можемъ построить метръ изъ вещества нестирающагося, и котораго длина, по этому, осталась бы всегда одна и таже, все-таки мы объ этой длинѣ можемъ получить понятіе не иначе, какъ посредствомъ сравненія ея съ другою длиною. Поэтому и длину вообще мы можемъ измѣрять не только метромъ, но и всякою другою длиною. Тоже должно сказать о всякой цѣнности. Она можетъ быть измѣрена только однородною цѣнностью, т. е. удовлетворяющею одинаковой потребности. Такъ напр. цѣнность хлѣба можетъ быть измѣрена его массою и массою удовлетворяемой имъ потребности. Въ данное время, извѣстная масса хлѣба *совершенно* удовлетворила потребности 10 т. человѣкъ. Въ другое время, данная масса хлѣба *совершенно* удовлетворила потребности 20 т. человѣкъ, со скоростью одною и тоюже; отсюда мы заключимъ, что цѣнность хлѣба во второмъ случаѣ вдвое больше цѣнности хлѣба въ первомъ. На этомъ основаніи, цѣнность хлѣба, удовлетворяющую извѣстной массѣ потребности въ хлѣбѣ, съ извѣстною скоростью, можно принять за *постоянную единицу* для измѣренія *цѣнности хлѣба*.

Г. И. Пасси (Dict. d'écon. polit, art. valeur p. 210), отвергаетъ даже возможность какогобы-то ни было измѣренія цѣнности. Онъ говоритъ: «Человѣческому уму такъ трудно не видѣть въ цѣнности ничего, кромѣ отношеній, возникающихъ изъ мѣны (дѣйствительно не только трудно, но невозможно), что экономисты долгое время занимались пріисканіемъ типа цѣнности ея мѣрила. Но это значило искать того, чего найти нельзя. Для измѣренія цѣнности, нужна цѣнность (дѣйствительно такъ, когда цѣнность разсматривается какъ величина, и тогда можно и найти такую цѣнность); а гдѣ найти такую цѣнность, которая сама не была бы произведеніемъ отношеній, и тѣмъ самымъ не была бы не менѣе измѣнна и подвижна, какъ и другія цѣнности, съ которыми думали ее сравнивать, какъ сравнительное мѣрило?»

Дѣйствительно, безусловной цѣнности нѣтъ; но тоже можно сказать и о всякой другой величинѣ. Гдѣ напр. найти длину, о которой мы бы получили понятіе иначе, какъ изъ отношенія ея къ другимъ длинамъ? А все-таки длину измѣрять можно. Но даже, съ точки зрѣнія, имъ самимъ принятой, г. И. Пасси не правъ. Онъ, правда, не видитъ въ цѣнности ни силы, ни величины: онъ ее опредѣляетъ разъ—*какъ отношеніе между количествами вымѣниваемыхъ предметовъ*, другой разъ—какъ *произведеніе* этого отношенія, и потому довольно трудно понять, что онъ собственно понимаетъ подъ словомъ *цѣнность*. Трудно понять, разумѣетъ-ли г. И. Пасси подъ словомъ *произведеніе отношеній* самые матеріальные предметы, которые данный субъектъ получаетъ на данномъ рынкѣ, *въ данное время*, въ данномъ случаѣ мѣны, или онъ, подъ этимъ выраженіемъ, разумѣетъ *отвлеченное число*, *служащее показателемъ отношенія*, *образовавшагося въ данномъ случаѣ мѣны*, *между количествами вымѣниваемыхъ предметовъ*. Но, какъ тоже трудно допустить, чтобы г. И. Пасси полагалъ, что *цѣнность* есть какой-нибудь вещественный предметъ (правда г. Молинари говоритъ, что цѣнность есть химически—сложное тѣло), то мы будемъ держаться его опредѣленія, что цѣнность есть *отношеніе* между собою количествъ вымѣниваемыхъ предметовъ, стало быть цѣнность есть *математическая формула*, какъ a:b, какъ 1:2 и т. д. Но въ такомъ случаѣ, намъ кажется, довольно странно, какъ г. И. Пасси, употребляя слова *отношеніе* и *количество*, устраняетъ изъ своего опредѣленія понятіе мѣры? Онъ позабылъ,

что если существуютъ *отношенія*, то существуютъ и *пропорціи*, равенства отношеній, а слѣдовательно мѣра пропорціи, наприм. $2^2 : 4 = 8^2 : 16$. Это два отношенія равныя между собою. $2^2 : 4$, вотъ одно отношеніе, $8^4 : 32$, вотъ другое отношеніе, и первое вдвое меньше противу втораго. Стало быть и цѣнность тоже понимаемая, какъ отношеніе, можетъ быть измѣряема; но только надо добавить, что изъ такого ея измѣренія немного выйдетъ пользы для науки.

Мы замѣтили уже, что спорные пункты Политической экономіи остаются такими, по большей части потому, что преніи о нихъ не совсѣмъ безинтересны, и что въ этихъ преніяхъ къ интересу науки примѣшивается еще другой интересъ, вовсе не научный. Если къ какому-либо вопросу Политической экономіи можно примѣнить это замѣчаніе, то къ вопросу о свободѣ торговли и покровительственной системѣ—кажется, что можетъ быть яснѣе принципа, поддерживаемаго защитниками свободы торговли, особенно, послѣ изслѣдованій по этому предмету покойнаго Бастіа, кажется, можноли оспаривать истинность положенія, что законный интересъ всякаго члена общества, а стало быть и цѣлаго общества, есть достигать удовлетворенія законныхъ и разумныхъ потребностей самымъ *легкимъ* и самымъ *дешевымъ* образомъ, что этотъ интересъ состоитъ въ совершенномъ устраненіи всѣхъ трудностей и препятствій удовлетворенія потребностей? Кажется, съ этимъ спорить нельзя, а между тѣмъ противоположное ученіе защищается еще и теперь съ немеиьшимъ жаромъ, какъ и во время Бастіа. И не удивительно бы было, еслибы покровительственную систему защищали только лица, пользующіяся монополіею, существующею на основаніи этой системы, а то нѣтъ, систему эту защищаютъ и первостепенные экономисты какъ Листъ и (Саттеу) Карэ. Но что всего удивительнѣе, это то, что ученые защищаютъ эту систему повидимому не безъ основанія. Такъ наприм. г. Бунге доказалъ положительно, что *потребленіе за границами края вредно для края* (Полит. эк. указатель. 1859 г. № 140, выпускъ 36, (5) 17 сентября). Это заставляетъ насъ думать, что не одни интересы мо-

нополистовъ служатъ основаніемъ этого спора, что самъ вопросъ изложенъ неправильно, и слѣдовательно, не можетъ получить удовлетворительнаго рѣшенія. Дѣйствительно, внимательнѣйшее изслѣдованіе этого предмета убѣдило насъ въ томъ, что всѣ защитники свободы торговли вообще, и Бастіа въ особенности, сами подали своимъ противникамъ оружіе въ руки тѣмъ, что постоянно защищая одинъ принципъ, постоянно преслѣдуя одну мысль, не обратили должнаго вниманія на всѣ необходимыя послѣдствія введенія этого принципа въ экономическую практику; или лучше сказать, тѣмъ, что принимая самый принципъ, рѣшительно не хотѣли допустить осуществленія необходимыхъ его послѣдствій, задѣвавшихъ ихъ интересы или противныхъ ихъ мнѣніямъ, которыхъ они держались упорно, но по нашему мнѣнію, не совсѣмъ основательно. Вслѣдствіе этого, въ ученіяхъ защитниковъ свободы торговли, и особенно въ ученіи Бастіа, находится разногласіе и внутреннее противорѣчіе, какъ мы это постараемся доказать въ продолженіе настоящаго разсужденія.

Чтобы убѣдиться въ томъ, до какой степени ученіе покойнаго Бастіа о свободѣ торговли противорѣчитъ само себѣ, какъ ученый этотъ, защищая истинный, самъ по себѣ, неопровержимый принципъ свободы торговли, не можетъ до конца твердо устоять въ этой защитѣ, и принужденъ дѣлать уступки противникамъ, разберемъ кратко одно мѣсто изъ приведеннаго уже его сочиненія «что видно и чего не видать.» Въ этомъ разборѣ мы постараемся указать и причину, по которой покойный Бастіа необходимо долженъ былъ противорѣчить собственнымъ своимъ положеніямъ и ослаблять силу своихъ, впрочемъ неопровержимыхъ, доводовъ въ пользу принципа свободы торговли.

Извѣстно, что покровительственная система основывается на тѣхже началахъ, какъ и ученіе о торговомъ балансѣ, система колоніальная и строго запретительная. Основаніемъ всѣхъ этихъ системъ и ученій служитъ желаніе *удержать за собою монополію рынка, монополію производства*, съ цѣлью полученія дохода. Мы не станемъ излагать подробно ни исторіи этихъ ученій и ихъ спора съ ученіемъ противоположнымъ, ни даже са-

мыхъ этихъ ученій подробно; это, кромѣ того, что увеличило бы объемъ нашего разсужденія, но еще и не составляетъ настоящаго его предмета. Мы, поэтому, ограничимся только изложеніемъ самой сущности двухъ противоположныхъ ученій, защитниковъ свободы торговли и ихъ противниковъ.

Необходимымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ введенія покровительственной системы (за эту систему нельзя очевидно принимать пошлины за ввозные товары, введенной единственно съ фискальною цѣлью) есть необходимость, въ которую ставятся потребители покупать дорого то, что они могли бы купить гораздо дешевле при господствѣ этой системы, общество пріобрѣтаетъ съ трудомъ то, что оно могло бы пріобрѣтать легко, слѣдовательно въ такомъ случаѣ значительная масса цѣнности, какъ силы, удовлетворяющей потребности, теряетъ безъ всякой пользы. Система эта ведетъ прямо къ теоріи, которую Бастіа такъ остроумно назвалъ сизифизмомъ: она, для поощренія труда, взимаетъ съ потребителей настоящую подать, и подать тяжелую, тѣмъ болѣе вредную, что она идетъ окончательно на поощреніе *плохихъ способовъ производства* служитъ премією лѣности безпечности, и составляетъ, такимъ образомъ, самый вредный изъ нарушенія права собственности. Система эта совершенно ождественна съ знаменитымъ *правомъ* на трудъ. Наконецъ самое вредное послѣдствіе этой системы состоитъ въ томъ, что на провозглашаетъ, какъ принципъ, что *затрудненія и препятствія удовлетворенія потребности полезны для общест-*, и слѣдовательно она не полагаетъ, и не можетъ полагать ницъ этому затрудненію, а слѣдовательно не только противится введенію новыхъ улучшеній и облегченій въ производствѣ, еще необходимо ведетъ къ уничтоженію облегченій и улучній, уже существующихъ и, такимъ образомъ, прямо ведетъ общество къ варварству. Замѣчательно, что такому необходимому ратy общества къ варварству, противодѣйствуетъ одно недимое послѣдствіе самойже запретительной системы — *контрабанда*.

Всѣ эти несообразности и вредныя послѣдствія покровительственной системы лучше всего высказалъ покойный Бастіа. Онъ опровергалъ эту систему на основаніи нормальнаго и законнаго интереса человѣка, интереса удовлетворенія потребности. Не входя въ подробное изложеніе и разборъ его доводовъ, мы не можемъ однако не намекнуть на нѣкоторые изъ нихъ. Онъ, наприм., замѣчая, что защитники покровительственной системы всѣ свои доказательства основываютъ на таможенныхъ реэстрахъ, и почитаютъ всякій вывозъ товаровъ за границу полезнымъ, а всякій ихъ привозъ оттуда внутрь страны вреднымъ, доказалъ имъ, что, по ихъ мнѣнію, пользы для страны будетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше будетъ товаровъ, вывезенныхъ изъ ея портовъ и брошенныхъ въ море. Кто не помнитъ остроумнаго прошенія палатамъ, написаннаго имъ въ одномъ изъ его сочиненій, отъ имени парижскихъ ламповщиковъ, о томъ, чтобы приказано было закрывать въ день ставни, для того, чтобы такимъ образомъ оказать покровительство промышленности ихъ, ламповщиковъ, устраненіемъ вредной для нея конкуренціи солнца.

Что-же отвѣчали на это защитники покровительственной системы? Они отвѣчали и отвѣчаютъ, или защищая свой интересъ совершенно, по ихъ мнѣнію, нормальный и законный, интересъ полученія дохода, или указывали на разныя болѣе или менѣе вредныя послѣдствія, долженствующія неминуемо обнаружиться въ обществѣ, при отмѣненіи покровительственной системы. Дальше мы постараемся изложить эти послѣдствія и такимъ образомъ облегчить рѣшеніе спора между защитниками принципа свободы торговли и ихъ противниками. Но устояли-ли, по крайней мѣрѣ, защитники этого принципа свободы торговли твердо въ своей защитѣ; довольно-ли храбро они защищали интересъ, столь священный, какъ удовлетвореніе разумныхъ и законныхъ потребностей? Увы! этого сказать нельзя. И въ этомъ отношеніи ученія экономистовъ наполнены разногласія и внутренняго противорѣчія, необходимыхъ послѣдствій неточности наблюденія фактовъ и шаткости убѣжденій. Карэ (Carrey) изъ защитника свободы торговли сдѣлался защитникомъ *умѣреннаго покровительства*, національнаго

труда, и самъ Бастіа не могъ не признать необходимости этого покровительства.

Въ приведенномъ выше сочиненіи, «что видно и чего не видать», Бастіа замѣчаетъ, что въ обществѣ, въ обыденномъ обращеніи, находится много мнѣній несправедливыхъ и неосновательныхъ, и, что мнѣнія, совершенно другъ другу противорѣчащія, имѣютъ у людей авторитетъ одинаковый. Таково, между прочимъ, мнѣніе, что нравственные и матеріальные интересы враждебны другъ другу. Это мнѣніе основано на томъ убѣжденіи, что нравственность будтобы требуетъ отъ людей бережливости, умѣренности, любви къ порядку, а интересы общества будтобы требуютъ роскоши и расточительности. «Кто копитъ деньги, тотъ истощаетъ соки народной жизни. Роскошь богачей питаетъ бѣдняковъ. Расточительный человѣкъ разоряетъ самого себя, но обогащаетъ государство». Мнѣнія эти повторяются даже людьми, нелишенными нѣкоторой важности. Бастіа старается однако доказать ихъ несостоятельность и вмѣстѣ доказать положеніе, что *нравственность не противоположна матеріальнымъ интересамъ*. И чѣмже онъ доказываетъ это? Тѣмъ, что *бережливый человѣкъ, окончательно, болѣе дѣлаетъ для поощренія народнаго труда, нежели расточительный.* Какъ! Стало быть народный трудъ требуетъ поощренія? Стало быть поощрять этотъ трудъ дѣло хорошее? На какомже основаніи самъ Бастіа опровергалъ и осмѣивалъ защитниковъ покровительственной системы, имѣющей единственно въ виду дѣйствительное поощреніе народнаго труда? Если Аристъ (лицо приведенной авторомъ «притчи для доказательства» его положеній) потому достоинъ похвалы, что даетъ возможность сбыта предпринимателямъ народной промышленности ихъ произведеній, и если образъ его жизни одобряется потому, что сохраняетъ ему возможность такого поощренія національнаго труда на всю жизнь и передачу такой возможности его потомкамъ, то какимъ образомъ Бастіа порицаетъ предпринимателей народной промышленности, за то, что они, въ видахъ—имѣть сбытъ своихъ произведеній, въ видахъ поддержанія и поощренія народной промышленности (которую поощрять нужно: вѣдь Аристъ оттого и выхваляется, что ее поощряетъ), просили о примѣненіи или сохраненіи въ государствѣ покровительственной системы, какъ самаго лучшаго средства такаго поощренія. Но, можетъ быть, Бастіа указалъ на защитниковъ покровительственной системы только потому, что они желали поощрять народную промышленность мѣрами полицейской регламентаціи, и онъ оправдалъ-бы ихъ, еслибы они тойже цѣли желали достигнуть путемъ убѣжденія и свободы дѣятельности потребителей. Но это выраженіе, очевидно, не имѣетъ никакой силы. Сторонники поощренія національнаго труда, или успѣли бы убѣдить потребителей покупать все имъ нужное *единственно изъ народныхъ фабрикъ*, или не успѣли бы въ этомъ. Въ первомъ случаѣ, очевидно, послѣдствія были бы совершенно одинаковыя, какъ и послѣдствія обязательнаго поощренія, существующаго вслѣдствіе покровительственной системы; во второмъ господствовала бы свобода торговли со всѣми ея послѣдствіями. Очевидно, вопросъ не въ томъ, какимъ образомъ надо поощрять національный трудъ, а въ томъ, нужно-ли его поощрять или нѣтъ? И этотъ послѣдній вопросъ, Бастіа рѣшалъ разъ положительно, другой разъ отрицательно.

Итакъ Бастіа, въ приведенной притчѣ, доказываетъ, что нравственность требуетъ бережливости, и что тоже требуютъ и матеріальные интересы общества, (промышленность) такъ какъ эта бережливость служитъ лучше всего для поощренія національнаго труда. Соглашаясь въ этомъ отношеніи съ Бастіа совершенно, мы однако спросимъ, съ точки зрѣнія теперешняго образа производства промышленности, совершенно-ли неправы тѣ, которые бережливости предпочитаютъ роскошь и даже мотовство? Что бережливости требуютъ *матеріальные интересы*, промышленность, это очевидно, потому, что безъ сбереженій не образуются капиталы, а при теперешнихъ экономическихъ условіяхъ общества, безъ капиталовъ, въ ихъ теперешней формѣ, нѣтъ и промышленности. Итакъ промышленность (въ теперешнемъ ея видѣ) требуетъ бережливости. Для доказательствъ этой простоистины, по нашему мнѣнію, покойному Бостіа не нужно бы

до вовсе прибѣгать къ такимъ сложнымъ доказательствамъ, какія онъ употребилъ, и вызывать даже на сцену *поощреніе народнаго труда*, противу котораго онъже самъ такъ вооружался, и такимъ образомъ противорѣчить самому себѣ. Но другое дѣло, относительно предложеннаго нами вопроса, совершенно-ли неправы тѣ, которые во имя интереса промышленности требуютъ на мѣсто бережливости, роскоши и даже мотовства? Бастіа говоритъ, что они неправы, но мы съ нимъ не можемъ согласиться въ этомъ случаѣ. Хотя мы рѣшительно отвергаемъ авторитетъ пословицы «гласъ народа, гласъ Божій», хотя мы никогда не рѣшимся признать за истинное какого-нибудь мнѣнія, единственно потому, что оно есть мнѣніе значительной массы, но въ этомъ отношеніи мы не можемъ не замѣтить, что общераспространенное мнѣніе о томъ, что роскошь полезна для промышленности, имѣетъ нѣкоторое основаніе. Должна же быть какая-нибудь причина, по которой, напр. во Франціи это мнѣніе распространено, особенно между работниками, до того, что Людовикъ-Наполеонъ получилъ значительную часть своей популярности оттого, что, примѣняясь къ этому мнѣнію, способствовалъ всѣми силами роскоши, требуя отъ сенаторовъ, министровъ и т. д. блеска и представительности, производя дорогія постройки и т. д., однимъ словомъ поощряя *національный трудъ*. Не нужно однако большой проницательности для того, чтобы доискаться настоящей причины такого мнѣнія; самый поверхностный взглядъ на условія теперешняго образа производства промышлености укажетъ намъ, что всѣ производители имѣютъ интересъ сбывать свои произведенія, какъ можно чаще и быстрѣе, потому, что, подъ этимъ только условіемъ, доходъ ихъ можетъ увеличиться, и они будутъ имѣть возможность (посредствомъ сбереженій) образовать новый капиталъ или увеличить капиталъ уже существующій. Очевидно, въ этомъ отношеніи, работники имѣютъ, въ сравненіи съ другими производителями, самый большій интересъ въ томъ, чтобы прочіе производители были въ высшей степени потребителями, чтобы они предавались роскоши, въ то время, когда сами они, работники, будутъ дѣлать сбереженія, потому, что въ такомъ случаѣ они будутъ имѣть больше возможности сбыть свой трудъ, и получить доходъ. Они требуютъ роскоши для поощренія труда, а Бастіа, соглашаясь на этотъ разъ съ тѣмъ, что національный трудъ требуетъ поощренія, доказываетъ только, что бережливый поощрятъ такой трудъ гораздо больше, нежели мотъ.

Здѣсь нельзя не замѣтить противоположности и противорѣчія, не только между *матеріальными и нравственными интересами*, противорѣчія, имѣющаго интересъ развѣ только для охотниковъ до схоластическихъ тонкостей, но противорѣчія гораздо болѣе важнаго между стремленіями и интересами различныхъ классовъ общества, даже между интересами однихъ и тѣхже промышленныхъ дѣятелей, потому что всякій потребитель есть въ тоже время и производитель, и потребителемъ онъ можетъ быть не иначе, какъ подъ условіемъ быть прежде производителемъ, наконецъ противорѣчіе между интересами различныхъ государствъ. Одни имѣютъ интересъ какъ можно больше *сберегать*, и какъ можно меньше *потреблять*; другіе наоборотъ, имѣютъ интересъ *сбывать*, какъ можно больше, слѣдовательно желать, чтобы первые не сберегали, а потребляли, желать господства роскоши. Это противорѣчіе гораздо важнѣе мнимаго противорѣчія между нравственными и матеріальными интересами; отъ этого противорѣчія, въ области внутренней государственной жизни, появляется борьба и антагонизмъ между производителями и потребителями, и запретительная система, переобразованная теперь въ покровительственную; въ области общечеловѣческой жизни, въ союзѣ государствъ, отъ этого противорѣчія появляются толки и стремленія къ *завоеванію рынка*, колоніальная система. Въ самомъ дѣлѣ, чего добивается запретительная и покровительственная система, какъ не того, чтобы *заставить потреблять*? Чего желаетъ достигнуть колоніальная система, какъ не *найти готовыхъ потребителей*? Наконецъ замѣтимъ, что упорство, съ которымъ Англія до сихъ поръ противится прорытію Суэзскаго перешейка не имѣетъ другаго основанія, какъ это противорѣчіе интересовъ.

Мы уже разсмотрѣли доводы, приводимые Бастіа въ его притчѣ объ Аристѣ и Мондорѣ, по отношенію нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ; теперь разсмотримъ эту притчу съ точки зрѣнія свободы торговли и покровительственной системы. Какъ Мондоръ, такъ и Аристъ имѣютъ по 50 т. фр. годоваго дохода, но пользуются имъ различно; Мондоръ, какъ мы уже видѣли, живетъ роскошно, но кромѣ того, онъ еще и *мотъ*, потому что окончательно онъ *разоряется*. Разорившись, онъ дѣлается безполезнымъ для промышленности, потому что не можетъ болѣе поощрить ея дѣятелей (стало быть ихъ нужно *поощрять*, стало быть нужно покровительствовать народному труду?); но мы замѣтимъ, что кромѣ того еще дѣлается положительно вреднымъ, потому что уничтожаетъ капиталъ, приносящій ежегодно 50 т. фр. дохода, т. е. *уничтожаетъ силу, производящую ежегодно цѣнности на 50 тыс. фр.* Здѣсь мы должны оговориться; ради краткости, мы не можемъ обращать строгаго вниманія на всѣ свойства капитала. Мы очень хорошо знаемъ, что хотя капиталъ и есть *сосредоточенный трудъ*, но онъ *самъ по себѣ*, безъ участія новаго, *живаго труда*, т. е. работниковъ и предпринимателей промышленности, не произведетъ рѣшительно ничего. Если поэтому здѣсь говорится, что капиталъ Мондора производитъ ежегодно на 50 т. фр. цѣнности, то разумѣется съ участіемъ работниковъ; кромѣ того мы очевидно понимаемъ *цѣнность не мѣновую*, а настоящую, *силу удовлетворяющую потребности*, и въ такомъ случаѣ натурально настоящая ея величина будетъ меньше, нежели 50 т. фр. Мондоръ дѣлаетъ вредъ обществу еще и тѣмъ, что не можетъ поощрять промышленности, *покровительствовать труду*; очевидно онъ дѣлаетъ вредъ еще и самому себѣ.

Аристъ живетъ совсѣмъ иначе, расходы у него расчитаны, и благоразумны, онъ бережливъ. Потому, онъ не только сохраняетъ въ цѣлости свой капиталъ, но еще его увеличиваетъ, и тѣмъ дѣлаетъ пользу обществу, *сохраняя и увеличивая силу, производящую цѣнность, поощряя національный трудъ*, и сохраняя воз-

можность только поощренія своимъ потомкамъ (стало быть все-таки національный трудъ поощрять нужно?).

Бастіа приводитъ и полный бюджетъ Ариста, вотъ онъ:

1) Собственно на себя.	20	т. фр.
2) На дѣла благотворительности! . .	10	» »
3) На пособіе друзьямъ.	10	» »
4) Въ запасъ.	10	» »
Итого	50	т. фр.

«Разсмотрите всѣ эти статьи расхода, и увидите, что ни одинъ сантимъ не пропадаетъ даромъ для національнаго труда» — это говоритъ Бастіа!

Предположимъ, что Аристъ, деньги, поставленныя въ 3-хъ первыхъ графахъ, и особенно въ 1-й, издерживаетъ всѣ до сантима за границею, потому что предметы его потребленія дешевле тамъ, нежели во Франціи. Вѣдь не смотря на это, все-таки онъ не только сохраняетъ въ цѣлости свой капиталъ, производительную силу въ 50 т. фр., но еще увеличиваетъ ее ежегодно 10 тысячами франковъ; слѣдовательно, экономически онъ правъ, и въ такомъ случаѣ, что будетъ значить похвала, которую ему расточаетъ Бастіа за то, что «ни одинъ изъ его доходовъ не пропадаетъ для національнаго труда». Еслиже онъ не правъ, потому что издерживаетъ свой доходъ за границею, если онъ долженъ потребить во Франціи, то на какомъ основаніи самже Бастіа нападалъ на защитниковъ покровительственной системы, которые подъ предлогомъ покровительства и поощренія національнаго труда запрещали французамъ покупать желѣзо или каменный уголь въ Бельгіи, и не принимали за оправданіе такой купли, того даже обстоятельства, что эти предметы дешевле тамъ, нежели во Франціи? Правда, что, еслибы Аристъ всѣ предметы своего потребленія покупалъ тамъ, гдѣ они дешевле, нежели во Франціи, безъ различія ихъ происхожденія, то онъ тѣмъ самымъ пріобрѣталъ бы возможность *сберегать больше*, и слѣдовательно скорѣе могъ бы образовать новый капиталъ; но опять-таки, или этотъ новый капиталъ долженъ быть употребленъ въ дѣло единственно во Франціи, и въ такомъ случаѣ защитники покровитель-

ственной системы правы, или употреблять его можно везде, во всякомъ безъ различія мѣстъ, лишь-бы это употребленіе давало большіе выгодъ, но въ такомъ случаѣ опять спрашивается, во чтоже обратится похвала Аристу, за то, что *ни одинъ санти́мъ изъ его расходовъ не пропадаетъ даромъ для національнаго труда*?

Но можетъ, намъ скажутъ: «Въ приведенномъ сочиненіи Бастіа излагаетъ истины Политической экономіи популярно, передъ людьми, которымъ не очень знакомы ея законы, которые между тѣмъ, по побужденію дурно – понятаго личнаго интереса, были приверженцами принципа поощренія національнаго труда, и думали, что расточительность потребителей лучше способствуетъ такому поощренію, нежели бережливость; потому онъ, не очень заботясь о строгой послѣдовательности своимъ принципамъ, доказалъ имъ, что они ошибаются, и что наоборотъ, бережливость больше поощряетъ народный трудъ, нежели расточительность». На это мы отвѣтимъ, что во первыхъ популярное изложеніе, какъ и всякое другое, прежде всего должно заключать въ себѣ истину, и все-таки не должно въ себѣ содержать никакого противорѣчія. Что, хотя французскіе работники, къ которымъ въ своемъ разсужденіи обращался покойный Бастіа, преимущественно, и не замѣтили, можетъ быть, этого противорѣчія, но оно тѣмъ не менѣе существуетъ. Что, все-таки нельзя знать чего собственно хочетъ Бастіа: хочетъ-ли онъ покровительства труда? и тогда на какомъ основаніи онъ нападалъ на покровительственную систему? хочетъ-ли онъ настоящей свободы торговли? — тогда на какомъ основаніи хвалитъ онъ Ариста за то, что онъ сохраняетъ возможность поощренія національнаго труда?

Чтобы однако еще больше убѣдиться въ томъ, что противорѣчія, лежащія въ основаніи приведенной статьи Бастіа, необходимо находятся и въ его ученіи о свободѣ торговли, что это противорѣчіе лежитъ глубже, и что оно важнѣе, нежели кажется съ перваго взгляда, чтобы доказать, что Бастіа не хотѣлъ избѣжать этого противорѣчія, что еслибы онъ и хотѣлъ избѣжать его, то не могъ этого сдѣлать иначе, какъ отрекаясь отъ своего коренного взгляда на основныя условія экономической дѣятельности, отрекаясь отъ сущности своего ученія, сдѣлаемъ одно предположеніе.

Что, еслибы всѣ безъ исключенія французскіе потребители стали издерживать свои доходы внѣ Франціи, тамъ, гдѣ предметы ихъ потребленія *дешевле*, нежели во Франціи, гдѣ стало быть предметы эти, удовлетворяющіе потребности, достаются *легче*, нежели во Франціи, съ меньшимъ трудомъ, стоятъ менѣе усилій, и еслибы всѣ безъ исключенія французскіе капиталисты стали употреблять въ дѣло свои капиталы тоже внѣ Франціи, тамъ, гдѣ это можно сдѣлать *выгоднѣе*, нежели во Франціи? Какіябы были необходимыя послѣдствія такого порядка вещей?

Еслибы вздумали остановить насъ возраженіемъ, что подобное предположеніе никогда не можетъ осуществиться, и что слѣдовательно дѣлать его безполезно, то мы отвѣтимъ: во первыхъ, что въ самой точной наукѣ въ геометріи, дѣлаются такого рода предположенія, и выводы науки не бываютъ отъ этого менѣе точны; и во вторыхъ, что, очень недавно, Ирландія находилась въ состояніи мало въ чемъ уступающемъ тому, которое мы предположили.

Итакъ будемъ слѣдовать за нашимъ предположеніемъ. Что бы произошло во Франціи, еслибы всѣ ея потребители предметы своего потребленія покупали за-границею, и еслибы всѣ ея капиталисты употребляли въ дѣло за границею свои капиталы? Очевидно, въ этомъ случаѣ, во первыхъ, французскіе производители должны-бы были *лишаться своего дохода*, пасть въ бездну пролетаріата. Во вторыхъ, если всѣ французскіе капиталисты употребляютъ свои капиталы въ дѣло за границею, то отъ этого должны страдать землевладѣльцы, а работники—такъ какъ имъ невозможно уже сдѣлаться пролетаріями, потому что они и безъ того уже пролетаріи—должны умереть голодною смертью, или—на лучшій конецъ, какъ нельзя предполагать, чтобы работа прямо искать ихъ, — они должны отправиться искать работы за тридевять земель. И одно и другое, какъ извѣстно, случилось въ Ирландіи, и отъ приведенной нами причины, отъ абсентеизма

Мы надѣемся, что намъ не сдѣлаютъ возраженія, дѣлаемаго обыкновенно въ отвѣтъ на это, и подобныя этому разсужденія. Мы надѣемся, что намъ не скажутъ: Вы разсматриваете два факта, существующіе одновременно, но на какомъ основаніи заключаете вы, что одинъ фактъ составляетъ необходимое послѣдствіе другаго? Откуда вы знаете, что голодная смерть одной части ирландскихъ пролетаріевъ, и эмиграція другой ихъ части не составляютъ слѣдствія другихъ причинъ, происшедшихъ изъ прежней политической жизни этой страны? Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ сцѣпленіе фактовъ до того очевидно, что его оспаривать нельзя; что прежнія историческія событія въ Ирландіи вызвали абсентеизмъ, а абсентеизмъ, въ свою очередь, вызвалъ голодъ и эмиграцію.

Но намъ могутъ сдѣлать возраженіе болѣе повидимому серьезное, и на которое не такъ легко отвѣчать, какъ на предыдущее. Намъ могутъ сказать: «никогда не можетъ случиться, чтобы всѣ, безъ исключенія, потребители даннаго государства, предметы, своего потребленія покупали за границею; этому противится собственный ихъ интересъ. Потребители эти, для того, чтобы получить это качество, для того, чтобы имѣть возможность потреблять, должны же имѣть доходъ; а дохода они получить не могутъ иначе, какъ сдѣлавшись въ свою очередь производителями, предлагая свои произведенія, или промышленныя услуги; слѣдовательно, они имѣютъ интересъ въ томъ, чтобы въ государствѣ были лица, потребляющія ихъ произведенія или пріобрѣтающія ихъ промышленныя услуги. Сбыта своихъ произведеній, или промышленныхъ услугъ они, однакожъ, могутъ достигнуть не иначе, какъ, въ свою очередь, потребляя произведенія, или промышленныя услуги лицъ, которыя должны быть потребителями ихъ собственныхъ произведеній, или промышленныхъ услугъ, потому что въ противномъ случаѣ, эти послѣднія не будутъ имѣть дохода, а слѣдовательно не будутъ въ состояніи быть потребителями.» На это однакожъ мы замѣтимъ, что предположеніе наше, для того, чтобы имѣть силу доказательства, не нуждается въ математической точности; всякій видитъ, что здѣсь

довольно извѣстной степени приближенія даннаго общества къ описываемому нами состоянію, для того, чтобы послѣдствія были печальны. Во вторыхъ, само это возраженіе, единственное, какое можно сдѣлать съ нѣкоторымъ основаніемъ, указываетъ ясно на существованіе противорѣчія между экономическими интересами однихъ и тѣхже членовъ даннаго общества, по которому они должны, въ одно и тоже время, и покупать предметы своего потребленія тамъ, гдѣ они дешевле, и таиъ гдѣ они дороже, въ одно и тоже время — желать дешевизны и дороговизны. Да притомъ, эти потребители (ниже и производители) могутъ принадлежать только къ одной изъ четырехъ категорій: они могутъ быть или землевладѣльцы, или капиталисты, или предприниматели промышленности, или работники. Землевладѣльцы могутъ отдавать свои земли въ насмъ жалкимъ фермерамъ-пролетаріямъ, потребленіе которыхъ равно нулю; капиталисты еще менѣе зависимы отъ отечественныхъ потребностей, и слѣдовательно еще легче могутъ употреблять свой капиталъ въ дѣло за границею; предприниматели промышленности, если они въ тоже время не капиталисты или землевладѣльцы, входятъ совершенно въ категорію работниковъ, которыхъ интересъ, разумѣется, состоитъ въ томъ, чтобы имѣть сбытъ своихъ услугъ въ отечествѣ, но которые такого сбыта, въ случаѣ описываемомъ нами, не получатъ, и которые, слѣдовательно, должны будутъ страдать, вымирать или переселяться. Еще разъ спрашиваемъ, не то ли недавно было въ Ирландіи?

Итакъ понятно, почему всѣ производители (т. е. всѣ безъ исключенія члены общества) и въ особенности производители-работники, имѣютъ интересъ желать расширенія потребленія, и потому должны желать существованія роскоши преимущественно передъ бережливостью; и, какъ придуманная покойнымъ Бастіа, сказка ни остроумна, она работниковъ не убѣдила ни мало; а тѣмъ менѣе она можетъ убѣдить людей, привыкшихъ къ анализу. Понятно также, почему производители даннаго государства вообще, и работники въ особенности, жизненный интересъ которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы имѣть постоянныхъ потребите-

лей, вынуждены необходимостью ограждать этотъ интересъ всѣми средствами даже покровительственною и колоніальною системою; хотя впрочемъ и одна, и другая очевидно противны здравому смыслу и коренному интересу человѣка, какъ равно настоящему экономическому закону, и хотя эти системы на практикѣ приносятъ вредъ несомнѣнный.

Здѣсь могутъ намъ сдѣлать возраженіе, сказавъ: «Вѣдь тоже доказывалъ и Бастіа; вѣдь и онъ говорилъ, что покровительственная система вредна, и, что больше, доказалъ это самымъ убѣдительнымъ образомъ, а если такъ, то производители никакъ не могутъ имѣть интереса вводить или поддерживать эту систему.» На это мы отвѣтимъ: не въ томъ дѣло, вредна или нѣтъ покровительственная система, но въ томъ, что при теперешнемъ образѣ производства промышленности, при существованіи теперешнихъ экономическихъ условій, вредъ не менѣе значительный для производителей (а слѣдовательно и для цѣлаго общества) приноситъ и *недостатокъ сбыта*; и что при существованіи настоящихъ экономическихъ условій избѣжать этого вреда, производители (стало быть и цѣлое общество) не могутъ никакимъ другимъ способомъ, какъ только, бросаясь въ другую крайность, прибѣгая къ покровительственной или колоніальной системѣ; что теперешній образъ производства промышленности оставляетъ промышленнымъ дѣятелямъ только выборъ между двумя крайностями одинаково - вредными. Всего этого Бастіа не замѣтилъ, скорѣе не хотѣлъ замѣтить, потому и ввелъ въ свое ученіе внутреннее противорѣчіе; потому и долженъ былъ доказывать разъ, что система, покровительствующая національному труду нелѣпа и вредна, (что онъ доказалъ, какъ извѣстно, самымъ блистательнымъ образомъ), другой разъ, что національный трудъ поощрять необходимо. Не замѣтилъ также Бастіа, или не хотѣлъ замѣтить, и внутренней связи между экономическими явленіями потребленія, сбыта, роскоши, бережливости, свободы торговли или покровительства національному труду; иначе онъ не написалъ бы своей притчи о Мондорѣ и Аристѣ. Приведенными въ этой притчѣ аргументами, онъ еще, пожалуй, могъ убѣдить производителей

вообще и работниковъ въ особенности, въ томъ, что бережливость выгоднѣе для нихъ, нежели роскошь, потому что эта послѣдняя дѣйствуетъ разрушительно на капиталы, и слѣдовательно подсѣкаетъ въ корнѣ самую возможность дальнѣйшаго потребленія и поощренія національнаго труда. Но вмѣстѣ убѣждать монополистовъ и защитниковъ покровительственной системы отказаться отъ ихъ монополіи; убѣждать, что роскошь вредна потому, что отнимаетъ возможность покровительства народному труду, а бережливость полезна потому, что даетъ возможность такаго покровительства, и въ тоже время утверждать, что система, покровмтельствующая народному труду нелѣпа и вредна—довольно странно.

Итакъ очевидно, что корень всѣхъ толковъ о пользѣ роскоши лежитъ гораздо глубже, нежели въ предразсудкахъ необразованной массы; очевидно, что и противорѣчіе между ученіемъ Бастіа, противника покровительственной системы, и Бастіа, автора «что видно и чего не видать» имѣетъ основаніе гораздо глубже, нежели въ недосмотрѣ или оплошности. Это противорѣчіе происходитъ отъ другихъ противорѣчій, присущихъ тѣмъ началамъ и условіямъ, на которыхъ основана вся теперешняя промышленность. Подъ вліяніемъ господства этихъ началъ и условій, одни и тѣже промышленные дѣятели принуждены *обезпечить себѣ рынокъ, завоевать его* во что бы то ни стало, подъ какими-бы то ни было условіями, какими-бы то ни было средствами, и завоеванный рынокъ удержать всѣми средствами, всѣми силами, подъ опасеніемъ погибели неизбѣжной и неотразимой, однимъ словомъ, желать и требовать монополіи; съ другой стороны, тѣже дѣятели и въ тоже время принуждены не менѣе настоятельно требовать *свободы рынка*, неограниченной *конкуренціи*, въ пользу интереса, который они имѣютъ, какъ потребители. Эти двѣ, рѣшительно между собою противоположныя, взаимно другъ друга уничтожащія силы, *монополія и конкуренція*, господствуютъ и дѣйствуютъ постоянно въ промышленности, производимой на настоящихъ ея основаніяхъ и началахъ; первой желаютъ производители, второй не могутъ не желать потребите-

Ястржембский усмотрел у Бастиа противоречие !

ли. Но мало того, что такимъ образомъ, интересъ производителя даннаго предмета рѣшительно и діаметрально противоположенъ интересу потребителей этого предмета, эта противоположность интересовъ простирается еще и дальше. Во-первыхъ мы уже замѣтили, что общество не раздѣляется на двѣ категоріи дѣятелей, изъ которыхъ одни были бы исключительно производители, а другіе исключительно потребители, но всякій членъ общества, всякій промышленный дѣятель есть производитель и вмѣстѣ потребитель; поэтому, какъ мы уже замѣтили, всякій промышленный дѣятель дѣйствуетъ подъ вліяніемъ и по побужденію двухъ, совершенно противорѣчащихъ другъ другу интересовъ. Во-вторыхъ, по самой природѣ общества, всѣ его члены солидарны между собою относительно ихъ интересовъ; если одинъ какой-нибудь классъ промышленныхъ дѣятелей пострадаетъ въ своихъ интересахъ, то это страданіе, не смотря на то, что повидимому и на первыхъ порахъ и послужитъ въ пользу интересовъ другихъ дѣятелей, но окончательно будетъ для нихъ вредно. Мы уже указали на проявленіе такой солидарности интересовъ промышленныхъ дѣятелей въ одномъ изъ предыдущихъ нашихъ разсужденій, гдѣ мы говорили главнымъ образомъ объ экономическихъ послѣдствіяхъ отъ излишняго урожая хлѣба. (Экономистъ 1859 кн. VI.). Можно-ли удивиться, что экономическая дѣятельность, совершаемая на такихъ началахъ, имѣетъ результатомъ страданіе?

Итакъ повторимъ еще разъ, противорѣчіе въ ученіи Бастіа, имѣетъ основаніе гораздо глубже, нежели кажется съ перваго раза. Желалъ-ли Бастіа избѣжать этого противорѣчія, могъ-ли онъ это сдѣлать? Очевидно нѣтъ. Для этого ему надо было бросить консервативное ученіе и консервативный взглядъ на экономическую дѣятельность, причемъ ему можетъ быть предстояла бы необходимость отказаться отъ какихъ-либо интересовъ и задушевныхъ убѣжденій, и во всякомъ случаѣ сознаться, что теперешній образъ производства промышленности въ экономическомъ, (а не техническомъ отношеніи) основанъ на ложныхъ началахъ. Разумѣется, Бастіа этого не могъ сдѣлать.

Однако не остановимся на томъ, что мы сказали о необходимости совмѣстнаго существованія въ теперешнихъ обществахъ монополіи и свободы торговли, постараемся исчерпать этотъ предметъ совершенно. Почему монополія необходима? Явно, она необходима въ интересахъ производства. Для того, чтобы произвести какой-либо предметъ окончательно, т. е. чтобы *его сбыть*, очевидно, извѣстная степень монополіи необходима; и еслибы производство даннаго предмета было лишено монополіи вовсе, еслибы предметъ, составляющій результатъ этого производства, былъ доставляемъ на рынокъ *неограниченною конкуренціею*, то, при существованіи теперешнихъ экономическихъ условій, производитель этого предмета долженъ бы былъ лишиться своего дохода, и слѣдовательно впасть въ пролетаріатъ, экономически умереть. Но съ другой стороны, все принимая во вниманіе теперешнія экономическія условія, и законъ солидарности интересовъ между членами обществъ, въ такомъ случаѣ пострадалъ бы и интересъ потребителей, потому что, лишенное такимъ образомъ всякой монополіи производство, необходимо должно бы было прекратиться, а съ нимъ вмѣстѣ прекратилось бы и удовлетвореніе потребности. А все-таки производители говорятъ, и необходимо должны говорить: «чѣмъ больше монополіи, тѣмъ лучше». Почему необходима конкуренція? Явно она необходима въ интересахъ потребленія и потребителей. Еслибы, при существованіи теперешнихъ экономическихъ условій, не было вовсе конкуренціи, еслибы на рынкѣ исключительно господствовала монополія, то потребности не могли бы быть удовлетворяемы. Но, вслѣдствіе солидарности интересовъ, основанной однако вовсе не на теперешнихъ экономическихъ условіяхъ, отъ такаго порядка вещей, пострадали бы и производители: имъ не для кого было бы производить. А все-таки потребители говорятъ, и не могутъ не говорить: «чѣмъ неограниченнѣе конкуренція, тѣмъ лучше».

Всякій членъ общества, всякій промышленный дѣятель, для того, чтобы жить и имѣть возможность продолжать жизнь, развиваться, возрождаться къ потомствѣ, при теперешнихъ усло-

віяхъ экономической дѣятельности, имѣетъ необходимость *получать доходъ*. Доходъ есть та часть богатства, произведеннаго общею дѣятельностью землевладѣльца, капиталиста, предпринимателя промышленности и работника, которую всякій изъ этихъ производителей успѣетъ выторговать, исторгнуть или захватить, подъ вліяніемъ закона отношенія между запросомъ и предложеніемъ, у другихъ производителей. Очевидно, что постоянное полученіе дохода, постоянное увеличеніе этого дохода, составляетъ для всякаго члена общества интересъ первой важности, интересъ жизненный. Самое лучшее и самое надежное средство для обезпеченія и охраненія этого интереса, при теперешнихъ экономическихъ условіяхъ, производителямъ, представляется въ монополіи, которую имъ даетъ покровительственная система. Итакъ производители, по самой неотразимой необходимости, происходящей не изъ сущности общества, но изъ теперешнихъ экономическихъ условій, должны желать всякаго рода монополіи, и, между прочимъ, монополіи, происходящей изъ покровительственной системы. Доколѣ теперешнія экономическія условія и происходящій изъ нихъ интересъ производителей желать монополіи, существуютъ, до тѣхъ поръ всякая попытка убѣдить ихъ добровольно отказаться отъ этой монополіи будетъ совершенно тщетна.

Здѣсь не помогутъ самыя остроумныя сказки и притчи. Напрасно вы ихъ будете попрекать монополіею и привилегіею: они вамъ скажутъ, что вы не имѣете никакого основанія дѣлать имъ эти упреки. Если монополія и привилегія существуютъ *необходимо*, вслѣдствіе теперешняго экономическаго устройства, совершенно нормальнаго, естественнаго, законнаго и единственно, какъ вы утверждаете возможнаго, то на какомъ основаніи упрекать въ нихъ кого-либо? Вы вѣдь говорите, что теперешній образъ производства промышленности, основанный на борьбѣ между монополіею и конкуренціею, совершенно нормаленъ, что, слѣдовательно, и сама эта борьба нормальна и необходима, что безъ монополіи нѣтъ производства, а безъ конкуренціи предстоитъ опасность для потребленія, да окончательно и для самаго производства; а всякимъ образомъ, на какомъ основаніи, если борьба необходима, вы желаете уничтожить одного изъ борцовъ, монополиста и его оружіе—монополію? Неужели вы захотите основаться на извѣстномъ афоризмѣ, что «истина въ серединѣ», и потому будете допускать только существованіе *естественной монополіи*, или умѣреннаго покровительства? Намъ кажется, что такое разсужденіе противно логикѣ, и мы надѣемся, что вы его не употребите. Притомъ сторонники такъ названнаго сизифизма не остановятся на этомъ; они вамъ скажутъ: «Мы имѣемъ потребности, удовлетвореніе которыхъ, какъ необходимое условіе нашего существованія и развитія, составляетъ наше неотъемлемое право; этого удовлетворенія, при теперешнихъ условіяхъ экономической дѣятельности, которыя вы сами называете нормальными, мы можемъ достигнуть не иначе, какъ посредствомъ дохода; количество же дохода (а слѣдовательно и большая или меньшая возможность продолженія нашего существованія, и большая или меньшая возможность развитія) зависитъ отъ существованія монополіи, а, слѣдовательно, монополія составляетъ наше право. Отнимать у насъ монополію, все равно, что позволить намъ жить, отнимая воздухъ». Что вы скажете на это? Мы знаемъ, что можно бы отвѣчать на это требованіе производителей; имъ бы можно сказать то, что сказалъ уже, не помнимъ кто, одному промышленнику, оправдывавшемуся въ нѣкоторыхъ щекотливыхъ операціяхъ тѣмъ, что «надо жить»: «я не вижу въ этомъ необходимости». Но мы увѣрены, что вы вспомните, что такое требованіе на жизнь предъявляетъ вамъ не какое-нибудь одно лицо, *а всѣ рѣшительно производители*, т. е. всѣ, безъ исключенія, члены общества, и поэтому вы имъ такъ не отвѣтите. Если приведенное разсужденіе монополистовъ и можно бы осудить на основаніи строгой нравственности, то его совершенно нужно оправдать, съ точки зрѣнія теперешнихъ экономическихъ условій. Вѣдь право самосохраненія все-таки составляетъ первѣйшее изъ правъ.

Мы предвидимъ еще одно возраженіе, которое обыкновенно дѣлаютъ замѣчающимъ неестественную противоположность между интересами производителей и потребителей. Это возраженіе

дѣлалось до того часто, что оно сдѣлалось общимъ мѣстомъ, а между тѣмъ, ни одинъ изъ ученыхъ его употреблявшихъ не подозрѣвалъ его совершенной несостоятельности. Обыкновенно говорятъ: хотя интересы производителей и противоположны интересамъ потребителей, но эта противоположность не можетъ приносить вреда, такъ какъ, по самому существу теперешняго образа производства промышленности, всякій производитель есть вмѣстѣ съ тѣмъ и потребитель, а слѣдовательно, можно сказать, что если отреченіе отъ монополіи принесетъ вредъ монополистамъ, какъ производителямъ, то оно будетъ имъ полезно, какъ потребителямъ. Этотъ аргументъ, сколько намъ извѣстно, первый приведъ Бланки-старшій, говоря о вліяніи машинъ на участь работниковъ; но одинъ изъ его слушателей, отвѣчалъ ему на это: «правда, въ такомъ случаѣ работники дѣйствительно выигрываютъ, какъ потребители, но предварительно они умираютъ голодною смертью». Мы, съ своей стороны, добавимъ, что, хотя дѣйствительно, при теперешнемъ образѣ производства промышленности, всякій производитель есть вмѣстѣ и потребитель, и наоборотъ, но все-таки это не мѣшаетъ нимало существовать противоположности между интересами производителей и потребителей, противоположности весьма вредной и вовсе не естественной, не основанной на природѣ вещей или на природѣ общества, но происходящей единственно изъ теперешняго образа производства промышленности. Все-таки, при этомъ образѣ производства промышленности, всякій членъ общества имѣетъ два рода интересовъ, совершенно и діаметрально одинъ другому противоположныхъ: одни интересы онъ имѣетъ, какъ производитель, другіе, совершенно первымъ противоположные онъ имѣетъ, какъ потребитель. Едвали такой порядокъ вещей можетъ быть названъ нормальнымъ. Еще бы можно было допустить, что такая противоположность между интересами одного и тогоже лица не принесетъ никакого вреда, еслибы было какое нибудь начало, гармонизирующее эту противоположность, еслибы, по крайней мѣрѣ, доказана была возможность существованія такого начала. Но доколѣ всѣ, такъ названныя цивилизованныя, государства пред-

ставляютъ зрѣлище ожесточенной борьбы монополіи съ конкуренціею, позволительно сомнѣваться въ томъ, чтобы изъ теперешняго образа производства промышленности, изъ настоящихъ экономическихъ условій общественной жизни, можно было извлечь начало, гармонизирующее промышленность и антагонизмъ интересовъ, происходящій изъ тѣхже самыхъ условій. 2) Мы еще отвѣтимъ, что самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что до сихъ поръ нѣтъ такого гармонизирующаго начала, и слѣдовательно самымъ лучшимъ опроверженіемъ приведеннаго аргумента, служитъ то обстоятельство, что вездѣ и всегда производители очень хорошо умѣли выгородить свои производительскіе интересы, и различить ихъ отъ тѣхъ, которые они имѣли, какъ потребители, и защищать тѣ изъ нихъ, которые защищать имъ было выгоднѣе. Еслибы интересы всѣхъ промышленныхъ дѣятелей, разсматриваемыхъ, какъ производители, дѣйствительно были въ гармоніи съ ихъ же интересами какъ потребителей, то повѣрьте, не нужно бы было приводить никакихъ доказательствъ для того, чтобы заставить ихъ отказаться отъ монополіи. Тогда довольно было бы указать только на возможность введенія такой гармоніи въ промышленныя отношенія, и монополія изчезла бы.

Можетъ быть, какъ возраженіе, приведутъ намъ недавній примѣръ Англіи, реформу Кобдена и Пиля, уничтоженіе ихъ хлѣбныхъ законовъ, отмѣненіе навигаціоннаго акта и введеніе свободы торговли. Скажутъ, стало быть, есть хоть одна страна въ мірѣ, гдѣ выказалась возможность введенія гармоніи между интересами производителей и интересами потребителей. Но едва ли такое возраженіе будетъ удачнѣе и основательнѣе другихъ. Въ этомъ случаѣ вышло такъ, что интересы нѣкоторыхъ промышленныхъ дѣятелей Англіи, разсматриваемыхъ, какъ потребители, превышали своею важностью интересы тѣхъ же лицъ, разсматриваемыхъ, какъ производители, и они, послѣ продолжительной борьбы и почти съ бою, отстояли тѣ изъ своихъ интересовъ, которые были въ то время преобладающими, и отстояли ихъ насчетъ другихъ промышленныхъ дѣятелей Англіи. Никакой новый принципъ не былъ, въ этомъ случаѣ, ни найденъ, ни примѣненъ.

Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ бросить краткій историческій взглядъ на знаменитую компанію англійскихъ фри-тредеровъ.

Какъ въ Англіи, такъ и во всѣхъ континентальныхъ государствахъ Европы, господствовала строгая запретительная система. Защитники этой системы говорятъ, что она-то и была настоящею причиною того, что съ 1815 года во всѣхъ этихъ государствахъ поддерживалась уже существовавшая, и зарождалась новая мануфактурная промышленность. Не входя въ разборъ основательности этого мнѣнія, должно только замѣтить, что, по той или другой причинѣ, англійскія мануфактуры получили чрезвычайной развитіе, т. е. масса *ежегодно на этихъ мануфактурахъ* производимыхъ издѣлій достигла огромныхъ размѣровъ, въ особенности увеличилось число издѣлій желѣзныхъ и бумажныхъ. Казалось бы, что такое увеличеніе массы полезныхъ предметовъ должно имѣть прямымъ послѣдствіемъ приращеніе благосостоянія; но на дѣлѣ было не совсѣмъ такъ. Какъ извѣстно, производство какихъ бы-то ни было мануфактурныхъ издѣлій еще не окончено тѣмъ, что они окончательно отдѣланы, отполированы, апретированы, выглажены и сложены; для довершенія такого производства, надо ихъ вывезти на рынокъ и сбыть: произведеніе оканчивается тамъ, гдѣ начинается потребленіе. Съ самаго почти того времени, какъ Англія наслѣдовала отъ Испаніи, Венеціи, Португаліи и Голландіи монополію всемірной внѣшней торговли, вся ея политическая жизнь состояла въ постоянныхъ заботахъ объ отысканіи мѣста сбыта для своихъ мануфактурныхъ произведеній, въ завоеваніи рынка. Ея колоніи, какъ оставшіяся за нею, послѣ отпаденія Сѣверо-американскихъ Штатовъ, такъ и вновь пріобрѣтенныя, должны были служить ей средствомъ для достиженія этой цѣли. Туже цѣль преслѣдовала Англія при заключеніи выгодныхъ торговыхъ трактатовъ, напр. съ Испаніею и Португаліею, тойже цѣли стремилась она достигнуть и нарочно возбуждаемыми въ Испаніи революціями, при помощи которыхъ ввозила въ Испанію свои мануфактурныя издѣлія, въ ущербъ каталонскимъ производителямъ. Война съ Китаемъ не имѣла другаго повода, какъ извѣстно, кромѣ желанія *завоевать рынокъ* для ост-индскаго опіума, сбытъ котораго, въ свою очередь, давая доходъ ост-индскимъ плантаторамъ, давалъ имъ вмѣстѣ и возможность быть потребителями англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій, въ чемъ, по мнѣнію ревнителей колоніальной системы, состояла настоящая цѣль существованія этихъ плантаторовъ. Кромѣ того, англичане старались, при помощи войны, ввозить свои произведенія въ Китай. Во время взятія, уже не помнимъ какого, китайскаго приморскаго города (кажется, Шангая), за военнымъ флотомъ англичанъ, находился цѣлый флотъ ихъ-же купеческихъ судовъ, нагруженныхъ англійскими мануфактурными произведеніями, предназначенными для сбыта жителямъ Дай-цзынской имперіи. Кто бы желалъ убѣдиться въ справедливости сказаннаго, пусть потрудится пробѣжать, издаваемые во время этой войны нумера Journal des debats.

Какъ бы-то ни было, сбытъ ея мануфактурныхъ произведеній, завоеваніе рынка, составляетъ еще и теперь постоянную и главную заботу Англіи; и теперь для всякой державы, желающей союза съ Англіею, самымъ лучшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли, есть предложить этой послѣдней заключеніе торговаго трактата, обезпечивающаго сбытъ англійскимъ мануфактурнымъ издѣліямъ. Въ то время, когда мы пишемъ эти строки, императоръ французовъ, политика котораго потребовала болѣе тѣснаго сближенія съ Англіею, не нашелъ лучшаго средства для достиженія своей цѣли, какъ предложеніе Англіи подобнаго трактата. (С - Петербургскихъ Вѣдом. 1860). Но уже гораздо прежде войны съ Китаемъ, многіе изъ отличнѣйшихъ промышленныхъ дѣятелей Англіи поняли, что всѣ, до сихъ поръ употребляемыя, средства для завоеванія рынка недостаточны, и что чаще всего это завоеваніе рынка посредствомъ штыковъ, приноситъ больше убытка, чѣмъ барыша, чему самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ служила ежегодно возрастающая и безъ того уже чудовищная цифра публичнаго долга. Всѣдствіе этого, для пріобрѣтенія сбыта, стали пріискивать другія средства. Однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ было признано: *уменьшеніе издержекъ производства*. Для того, чтобы успѣшно и съ воз-

можною полнотою изслѣдовать это начало уменьшенія издержекъ производства, чтобы хорошо оцѣнить послѣдствія, которыя оно произвело въ Англіи, намъ необходимо разсмотрѣть и изслѣдовать самыя основныя начала всякаго производства. Мы просимъ извиненія у читателя въ томъ, что занимаемъ его понятіями совершенно элементарными, что приводимъ истины общеизвѣстныя; но мы принуждены это сдѣлать потому, что, какъ эти истины ни элементарны, но онѣ очевидно забываются тѣми, которые произведенную въ Англіи реформу желаютъ представить примѣромъ введенія гармоніи между интересами промышленныхъ дѣятелей, которые, примѣромъ этой реформы, желаютъ доказать истинность того положенія, что свобода торговли принесетъ пользу, при сохраненіи теперешнихъ основныхъ условій экономической дѣятельности.

Мы уже видѣли, что *производить*, въ экономическомъ смыслѣ, не значитъ творить новое вещество; производить, значитъ только — существующему уже веществу сообщать качество цѣнности. Поэтому, всякій предметъ состоитъ изъ двухъ элементовъ, изъ вещества, силъ, явленій или благъ, несозданныхъ человѣкомъ, и изъ цѣнности, качества или силы, сообщенной ему человѣческою дѣятельностью. Уменьшить издержки производста цѣнныхъ предметовъ, сдѣлать эти предметы *дешевле* въ настоящемъ смыслѣ этого слова, поэтому, значитъ или — во всякомъ данномъ, цѣнномъ предметѣ *увеличить* количество *даровыхъ* силъ природы, или *уменьшить* количество человѣческаго труда, необходимое для произведенія даннаго предмета; третьяго способа достигнуть истинной дешевизны нѣтъ. Какимже способомъ совершилось уменьшеніе издержекъ производства въ Англіи, какія были его послѣдствія? Послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ, во всякомъ данномъ цѣнномъ предметѣ, произведенномъ въ Англіи, находится-ли сравнительно больше элементарныхъ силъ природы, нежели прежде, или можетъ быть уменьшилось количество труда, необходимаго на производство каждаго цѣннаго предмета? Виновники этой отмѣны хлѣбныхъ законовъ знали по опыту, какими бѣдствіями сопровождается въ обществѣ та-

стржемѣским критикует отмену хлебных законов в Англии, а значит в вопросе теории международ. торговли он явно не на стороне Рикардо.

кое уменьшеніе труда, такое облегченіе производства, и потому они его не искали; они, стало быть, старались достигнуть уменьшенія издержекъ производства, посредствомъ увеличенія въ каждомъ данномъ цѣнномъ предметѣ даровыхъ силъ природы. Едвали могли они достигнуть этого. Настоящаго уменьшенія издержекъ производства въ Англіи, могли бы достигнуть тогда, когда-бы, при сохраненіи тогоже, что и прежде, количества труда, успѣли сообщить полезность и цѣнность большей, нежели прежде, массѣ существовавшаго уже вещества, которое притомъ для промышленности обходилось-бы совершенно даромъ. Еслибы, напр. на мѣсто производимаго прежде, всякаго милліона аршинъ сукна, изъ англійской шерсти, послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ, производилось ихъ, положимъ, 1 милл. и 50 тыс., и притомъ, еслибы вещество, необходимое для произведенія этихъ новыхъ 50 тыс. аршинъ сукна, пришлось совершенно даромъ: могло-ли это случиться въ Англіи? Тамъ, какъ извѣстно, вся земля, со всѣми ея элементарными силами, состоитъ въ собственности частныхъ лицъ, и, слѣдовательно, уменьшеніе издержекъ производства, произведенное будтобы на *счетъ природы*, на самомъ дѣлѣ совершилось на *счетъ землевладѣльцевъ*, на счетъ поземельной ренты. Намъ могутъ сказать, что прежде отмѣны хлѣбныхъ законовъ, англійскіе землевладѣльцы получали ренту за извѣстное количество элементарныхъ силъ природы, употребляемыхъ въ промышленности, а послѣ отмѣны этихъ законовъ, количество этихъ элементарныхъ силъ природы, употребляемое въ промышленности, изъ общаго ихъ запаса, увеличилось, но за него уже не надо было платить ренты. Дѣйствительно, это самое лучшее, что могло случиться; но, во первыхъ, замѣтимъ, что если это усовершенствованіе и случилось дѣйствительно, то при этомъ нарушенъ былъ принципъ индивидуальной поземельной собственности; надѣемся, что замѣчаніе это истинно и не лишено значенія. Во-вторыхъ, для произведенія этого улучшенія, все-таки необходимо было употребить новый трудъ, который требовалъ вознагражденія, и слѣдовательно, вѣроятно происшедшее отсюда уменьшеніе издержекъ не было очень значительно.

Итакъ, собственно говоря, отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ въ Англіи не достигло настоящаго уменьшенія издержекъ производства, настоящей дешевизны; оно было не больше, какъ ловкой комбинаціей: посредствомъ его, *практическіе* англійскіе мануфактуристы, совершили довольно *практическій* ударъ по карманамъ землевладѣльцевъ. Какіе же однако имѣло послѣдствія отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ въ Англіи? До реформы Кобдена и Пиля, англійскіе лэндлорды были обезпечены на счетъ количества получаемой ими поземельной ренты, искусно придуманою системою такъ названныхъ хлѣбныхъ законовъ, посредствомъ ввозной пошлины на хлѣбъ, дававшихъ имъ монополію его сбыта въ соединенномъ королевствѣ. Съ уничтоженіемъ этихъ законовъ, упала и основанная на нихъ монополія землевладѣльцевъ; работники получили возможность покупать хлѣбъ, говядину и т. д. дешевле прежняго, а потому и могли предлагать свой трудъ предпринимателямъ мануфактурной промышленности дешевле прежняго: эти послѣдніе, при пониженіи задѣльной платы, могли понизить цѣну своихъ издѣлій, и такимъ образомъ увеличить возможность ихъ сбыта. Итакъ, въ этомъ случаѣ, всѣ послѣдствія реформы ограничились тѣмъ, что *часть дохода, присвоенная землевладѣльцами, перешла въ карманы предпринимателей мануфактурной промышленности.* -Эта реформа не обнаружила никакого начала примиренія враждующихъ интересовъ; она и не увеличила, на счетъ силъ природы, массы вещества, которому промышленность должна сообщать качество полезности; посредствомъ ея только производители мануфактурныхъ издѣлій получили возможность увеличить сбытъ своихъ издѣлій. Но они получили только *возможность* такого увеличенія; до увеличенія настоящаго, дѣйствительнаго, при повсемѣстномъ существованіи покровительственной системы, еще очень далеко. Очевидно, въ этомъ случаѣ, англійскіе мануфактуристы могутъ расчитывать на увеличеніе сбыта, только внѣ Англіи, такъ-какъ отъ ихъ операціи, отъ отмѣны хлѣбныхъ законовъ, доходъ ихъ внутреннихъ потребителей (и съ нимъ возможность потребленія) не увеличился. Вслѣдствіе того, тогда же, рядомъ съ толками

объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ, появились толки и хлопоты о свободѣ торговли, все въ виду достиженія той же цѣли, *увеличенія сбыта, завоеванія рынка.* Но прежде, чѣмъ станемъ разбирать это начало свободной торговли, это требованіе англійской промышленности, займемся еще анализомъ послѣдствій уничтоженія въ Англіи хлѣбныхъ законовъ.

Очевиднымъ послѣдствіемъ этой мѣры, прежде всего, было уменьшеніе поземельной ренты. Но землевладѣльцы не замедлили, пользуясь продолжающимся запросомъ на ихъ земли, выручить свои убытки сперва отъ фермеровъ, и окончательно изъ задѣльной платы земледѣльческихъ работниковъ. Въ за прошломъ годіи когда во Франціи былъ возбужденъ вопросъ объ уничтоженіи, подвижной пошлины на заграничный хлѣбъ (échelle mobile) и много другихъ вопросовъ, касающихся до торговли хлѣбомъ (напр., вопросъ о принужденіи булочниковъ имѣть всегда извѣстный запасъ зернового хлѣба въ магазинахъ), французское правительство дѣлало запросы англійскимъ предпринимателямъ земледѣльческой промышленности о томъ, какое вліяніе произвело на эту промышленность уничтоженіе хлѣбныхъ законовъ; но это изслѣдованіе, сколько намъ извѣстно, не дало никакихъ положительныхъ результатовъ. Изъ отвѣтовъ англійскихъ сельскихъ хозяевъ видно, что поземельная рента не уменьшилась, что фермеры изыскиваютъ средства улучшенія производства, т. е. стараются уменьшать его издержки введеніемъ улучшенныхъ его пріемовъ; но въ этихъ отвѣтахъ не сказано ни слова о томъ, не уменьшилась-ли задѣльная плата сельскихъ работниковъ, и все заставляетъ предполагать, что уменьшеніе задѣльной платы сельскимъ работникамъ, или даже совершенная замѣна ихъ работы, работою машинъ вошла, какъ необходимый элементъ, въ улучшеніе земледѣльческаго производства, въ уменьшеніе его издержекъ.

Очевидно также, что работники на мануфактурахъ ничего не выиграли отъ отмѣненія хлѣбныхъ законовъ: они, положимъ, могутъ покупать хлѣбъ дешевле прежняго, за то они должны и продавать свой трудъ дешевле прежняго.

Но и сами предприниматели мануфактурной промышленности, если что-нибудь и выиграли, то выиграли только временно: они временно получили возможность облегченія сбыта своихъ произведеній. Доколѣ въ другихъ государствахъ существуетъ система, покровительствующая національному труду, до тѣхъ поръ англійскіе мануфактуристы не могутъ получить въ нихъ постояннаго сбыта своихъ издѣлій, а на сбытъ внутри своего государства они очень разсчитывать не могутъ. На такой сбытъ они могли бы разсчитывать только тогда, когда бы совершенное ими отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ было причиною дѣйствительнаго увеличенія доходовъ въ Англіи; но этого, какъ мы видѣли, не случилось. Единственнымъ, дѣйствительнымъ послѣдствіемъ этой операціи было *увеличеніе количества издѣлій*; сбытъ же этихъ издѣлій облегчился только въ возможности, но не въ дѣйствительности.

Итакъ, знаменитая мѣра, на проведеніе которой Р. Пиль истратилъ всю свою жизнь, мѣра стоившая такой борьбы, оказывается только палліативомъ, и то палліативомъ дѣйствительнымъ только подъ условіемъ открытія заграничныхъ рынковъ; все, что она произвела,—это перемѣщеніе дохода. Но она, кромѣ того, имѣетъ еще одинъ характеръ, не довольно замѣчаемый. Если уменьшенія издержекъ производства надо достигать посредствомъ увеличенія въ произведеніяхъ количества даровыхъ силъ природы, и если этого результата достигли въ Англіи тѣмъ, что *заставили землевладѣльцевъ отказаться отъ части ихъ монополіи*, то кто поручится за то, что впослѣдствіи не захотятъ достигнуть тѣмже путемъ и результата болѣе положительнаго, именно что не захотятъ *ввести въ произведенія промышленности всю возможную массу даровыхъ силъ природы*, заставить землевладѣльцевъ совершенно отказаться отъ ихъ монополіи? Кто поручится за то, что не захотятъ сдѣлать въ промышленности переворота радикальнаго—не на счетъ работниковъ, какъ теперь, но на-счетъ землевладѣльцевъ? Такой переворотъ, при теперешнемъ состояніи обществъ, при существованіи теперешнихъ экономическихъ условій, былъ бы настоящимъ бѣдствіемъ, потому что

(какъ мы это увидимъ дальше) при этихъ условіяхъ, въ теперешнихъ обществахъ, индивидуальная поземельная собственность имѣетъ характеръ необходимости: ее еще замѣнить нечѣмъ.

Мы видѣли, что естественнымъ слѣдствіемъ отмѣны въ Англіи хлѣбныхъ законовъ было стремленіе еще больше расширить рынокъ для сбыта англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій, что, въ свою очередь, вызвало другую реформу, отмѣненіе покровительственныхъ пошлинъ и стремленіе къ повсемѣстному введенію свободы торговли. Принципъ свободы торговли, свободы экономическихъ сношеній между разными нагодами, существуетъ давно въ видѣ постулята разума, но въ Англіи пробуютъ это сдѣлать въ видахъ удовлетворенія интересовъ производителей. Англійскіе производители, которыхъ представителемъ въ этомъ отношеніи г. Кобденъ, очень хорошо уразумѣли, что *продать* есть только одинъ терминъ уравненія, которому соотвѣтствуетъ другой—*купить*; что англійскія колоніи, отъ которыхъ ожидали, что онѣ будутъ разсадниками потребителей, не только не доставляютъ такихъ потребителей, но что онѣ не возвращаютъ даже той суммы, которая издерживается ежегодно изъ массы податей на ихъ завоеваніе и содержаніе; что завладѣніе Ост-индіею, съ цѣлью *завоевать рынокъ*, рано или поздно, повлечетъ за собою необходимость завоеванія Китая и т. д., и все-таки вопросъ о сбытѣ не рѣшится; они увидѣли, что для того, чтобы имѣть сбытъ, не нужно владѣть колоніями, но надо имѣть сношенія съ народами богатыми, т. е. владѣющими, какъ естественными богатствами, такъ и произведеніями промышленности, и потому начали требовать примѣненія въ Англіи свободы торговли. Пока этотъ принципъ введенъ не вполнѣ, т. е. онъ примѣненъ только въ Англіи, безъ взаимности другихъ государствъ. Теперь въ Англіи иноземные товары оплачиваютъ только фискальную пошлину, уничтоженъ знаменитый навигаціонный актъ, и слѣдовательно иностранныя суда могутъ участвовать въ полученіи прибыли отъ провоза въ Англію товаровъ наравнѣ съ англійскими. Поэтому, нельзя еще результатомъ такого неполнаго примѣненія принципа свободы торговли, принимать за доказательство того, что при

существованіи настоящихъ экономическихъ условій, введеніе свободы торговли не принесетъ вреда. Какъ англійскіе производители мануфактурной промышленности не боятся иностранной конкуренціи (*) и какъ на англійскій рынокъ привозятся по большей части только такъ названныя сырыя произведенія, то отъ иностранной конкуренціи, до сихъ поръ, пострадали только землевладѣльцы и сельскіе работники. Жалуются также на эту конкуренцію и англійскіе судохозяева, въ особенности послѣ послѣдней восточной войны, въ которую они имѣли довольно занятій для своихъ судовъ, и въ которомъ теперь терпятъ недостатокъ.

По нашему мнѣнію, видѣть на практикѣ послѣдствія введенія свободы торговли, попытка котораго сдѣлана въ Англіи, можно будетъ только тогда, когда 1) она будетъ введена не въ одной Англіи, — 2) когда мануфактурная промышленность другихъ странъ будетъ на тойже степени техническаго совершенства, что и въ Англіи. Судить же практически о томъ, внесетъ-ли примѣненіе принципа свободы торговли гармонію въ интересы промышленныхъ дѣятелей на мѣсто существующихъ до сихъ поръ противоположности и диссонанса, можно будетъ только тогда, когда Англія *добровольно* согласится на прорытіе Суэзскаго перешейка, и когда это прорытіе, сдѣлавшись фактомъ совершеннымъ, не приведетъ Англію въ то положеніе, въ которомъ очутилась Венеція, послѣ открытія мыса Доброй Надежды. Пока о послѣдствіяхъ введенія свободы торговли можно судить только теоретически. Для этого надо изслѣдовать, какія могутъ быть послѣдствія отъ примѣненія этого принципа во всякомъ данномъ случаѣ производства цѣнности, и отсюда судить о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя будутъ въ суммѣ всѣхъ этихъ случаевъ, составляющихъ экономическую жизнь общества. Для насъ однакожъ и теперь

(*) Англійскіе производители желаютъ, собственно говоря не торжества свободы торговли, но, наоборотъ, они желаютъ монополіи; очевидно англійскія мануфактурныя произведенія, во всякой странѣ, куда они будутъ ввезены, будутъ, по отношенію къ однороднымъ съ ними произведеніямъ туземной промышленности, пользоваться великою монополіею

уже очевидно, что попытка введенія въ Англію свободы торговли произведена вслѣдствіе борьбы интересовъ промышленныхъ дѣятелей, борьбы, проистекающей изъ противоположности этихъ интересовъ, изъ внутренняго противорѣчія, лежащаго въ основаніи коренныхъ условій теперешней экономической дѣятельности общества; что опытъ, сдѣланный въ Англіи, далеко не полный, не позволяетъ усмотрѣть ясно всѣхъ его послѣдствій, и что по этому, опыта этого нельзя принимать за начало, могущее примирить противоположные интересы промышленныхъ дѣятелей.

Здѣсь мы считаемъ необходимымъ объявить самымъ торжественнымъ образомъ, что нимало не нападаемъ на принципъ свободной торговли; принципъ этотъ, послѣ сочиненій покойнаго Бастіа, выше всякихъ нападеній. Не скажемъ мы тоже и того, что принципъ этотъ безусловно хорошій въ теоріи, безусловно вреденъ на практикѣ, что принципъ этотъ надо оставить проповѣдывать въ школахъ, но что его надо отвергнуть на практикѣ; при истинномъ пониманіи значенія теоріи и практики, изрѣченіе это, хотя и повторяемое нѣкоторыми авторитетами, очевидно нелѣпо. Напротивъ, совершенно признавая безусловную справедливость этого принципа въ теоріи, мы желаемъ вмѣстѣ и введенія его въ практику, и почитаемъ такое введеніе совершенно возможнымъ; но мы, желая достигнуть цѣли, не отвергаемъ средствъ, необходимо ведущихъ къ ея достиженію. Мы полагаемъ, что принципа этого нельзя иначе ввести въ практику, какъ подъ условіемъ, чтобы были сглажены противорѣчія, проистекающія изъ тѣхъ основаній, на которыхъ *построенъ* теперешній образъ производства промышленности; чтобы на мѣсто теперешней противуположности и борьбы интересовъ, была введена ихъ гармонія; чтобы интересъ всякаго члена общества, разсматриваемаго какъ производитель, не былъ рѣшительно и діаметрально противуположенъ интересу тогоже члена общества, разсматриваемаго, какъ потребитель; чтобы найдена была формула примиренія интересовъ недѣлимаго съ интересами общества.

Мы не можемъ не признать принципа свободы торговли и вообще промышленности истиннымъ и справедливымъ; но, въ тоже

время, не можемъ не видѣть, что введеніе этого принципа въ теперешнюю экономическую среду приноситъ вредъ несомнѣнный. Отсюда мы не заключаемъ, что принципъ, самъ по себѣ, истинный, вреденъ; но мы заключаемъ, что сама эта экономическая среда нераціональна, что теперешній образъ производства промышленности не только не составляетъ явленія нормальнаго и естественнаго, но что, совершенно наоборотъ, онъ *построенъ* искусственно, или появился вслѣдствіе разладицъ, насилій, и противоборствъ, завѣщанныхъ теперешнимъ обществамъ исторіею. Мы приходимъ къ этому заключенію послѣ внимательнаго наблюденія того, что происходитъ на практикѣ. Какимъ образомъ, по какой причинѣ, принципъ, самъ по себѣ истинный и справедливый, или постоянно и съ упорствомъ отвергается, или, при его примѣненіи, производитъ вредъ несомнѣнный? Очевидно, по тойже причинѣ, по которой мясная, питательная пища, поддерживающая жизнь и силы здороваго человѣка, становится убійственною для страдающаго воспаленіемъ внутренностей.

Послѣ всего сказаннаго, мы вправѣ, больше, нежели покойный Бастіа, почитать себя защитникомъ свободы торговли, потому-что, не только признаемъ ее полезною въ теоріи, но желаемъ введенія ея на практикѣ, и не останавливаемся, какъ это сдѣлалъ Бастіа, передъ препятствіями къ такому введенію; напротивъ, видя эти препятствія, смѣло и безъ задней мысли, безъ малѣйшаго умолчанія на нихъ указываемъ, и потому избавляемъ отъ необходимости противорѣчить самому, имѣть два ученія (*).

(*) Въ одномъ изъ нумеровъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей за 1859 г. мы читали извѣстіе о бытности американскаго экономиста (Carey), Карэ въ Москвѣ; изъ тойже газеты мы узнали, что по поводу бытности этого ученаго въ Москвѣ, г. Бабстъ замѣтилъ, что покойный Бастіа, большую часть самыхъ замѣчательныхъ своихъ аргументовъ въ пользу свободы торговли, заимствовалъ у Карэ, и что этотъ послѣдній, изъ жаркаго приверженца свободы торговли, сдѣлался горячимъ *умѣреннаго* покровительства національному труду. Откровенно сознаемся, что намъ до сихъ поръ не была извѣстна ученая дѣятельность Карэ и мы первый разъ, читая приведенную рѣчь г. Бабста, узнали страшный фактъ, что учитель столь знаменитаго защитника свободы торговли, какъ Бастіа, самъ отступился отъ своего ученія. Да не удивитъ кого, и да не будетъ поставлено такое невѣдѣніе въ укоръ авторитету настоящаго разсужденія. Если членъ французскаго института А. Рейбо, разбирая ученую дѣятельность Бастіа (Revue des deux mondes 1858. I. Sept.) ни слова не говоритъ объ этомъ обстоятельствѣ, стало-быть не знаетъ о немъ: (статья А. Рейбо написана въ такомъ тонѣ, что изъ него непремѣнно надо заключить, что онъ сказалъ бы объ этомъ непремѣнно, еслибы зналъ), тѣмъ болѣе это невѣдѣніе извинительно автору этого разсужденія. Но если Карэ отказался отъ принципа свободы торговли, въ пользу *умѣреннаго* покровительства, то этотъ фактъ не служитъ-ли доказательствомъ всего только что сказаннаго въ настоящемъ разсужденіи? Какой имѣлъ поводъ Карэ отказаться отъ принципа яснаго, какъ день? Не очевидно-ли, что такимъ поводомъ служило ему сомнѣніе въ возможности его приложенія? Не ясно-ли, что онъ отступилъ передъ условіями, подъ которыми единственно возможно введеніе этого принципа въ практику, не желая ихъ признать? Нельзя не удивляться и не такимъ примѣрамъ шаткости убѣжденій, такимъ компромиссамъ съ истиною и наукою. Хорошо-ли поступать такъ съ истиною и наукою, основанною не на порожденіи фантазіи или шаткихъ построеніяхъ эмпиризма, но на вѣчныхъ и непреложныхъ законахъ бытія? Возможно-ли полагать *умѣренность* въ томъ, чтобы отдалить отъ *истиннаго начала* часть его значенія въ пользу *начала ложнаго*? Не оправдываетъ-ли такой примѣръ нѣкоторымъ образомъ нападеній на ученыхъ и науку, дѣлаемыхъ дилетантами?

Желая узнать положительно, какія послѣдствія имѣло отмѣненіе покровительственнаго тарифа въ Англіи, мы обращались къ тѣмъ источникамъ, откуда мы могли бы почерпнуть свѣденія объ этомъ предметѣ. Надо сознаться, что они не многочисленны, но ихъ авторитетъ несомнѣнный. Въ журналѣ Economiste Belge, 1858 г. 1 ноября, № 32, мы нашли статейку: «Результатъ невольничества и учрежденія свободы торговли въ англійскихъ колоніяхъ, который можно видѣть изъ оффиціальныхъ рапортовъ парламенту за 1858 г.» Собственно говоря, изъ этой статейки рѣшительно нельзя судить о результатѣ примѣненія свободы торговли. Изъ нея видно, что уничтоженіе невольничества имѣло благое вліяніе на черное населеніе и земледѣліе колоній, вотъ и все. Чтоже касается примѣненія свободы торговли, то хорошіе его результаты въ приведенной статейкѣ доказываются *увеличеніемъ вывоза*. Если объ этомъ результатѣ судить на основаніи ученія

Бастіа, то онъ ничего не доказываетъ, потому что онъ былъ бы тотже, если бы всѣ вывезенные товары были брошены въ море; да притомъ въ этой статьѣ ничего не говорится о томъ, увеличился, или уменьшился въ тоже время *ввозъ*; въ случаѣ если онъ уменьшился, то, все на основаніи ученія Бастіа, надо полагать, что колоніи, вмѣсто обогащенія, напротивъ *обѣднѣли*. Насъ только удивляетъ, какъ Economiste belge, приводитъ эти факты для доказательства, что признаніе свободы торговли въ англійскихъ колоніяхъ имѣли хорошіе результаты.

Свѣдѣнія о запросахъ, дѣланныхъ французскимъ правительствомъ въ Англію, съ цѣлью узнать о результатахъ отмѣненія хлѣбныхъ законовъ въ Англіи, мы заимствовали изъ экономической корреспонденціи газеты Independance belge за 1838 годъ. Сколько намъ помнится, на основаніи того, что сказано въ приведенной корреспонденціи, результаты отмѣненія въ Англіи хлѣбныхъ законовъ сводятся къ тому, что предприниматели земледѣльческой промышленности, или потеряли мало, или даже ничего не потеряли отъ этой перемѣны, *потому что они обратили все свое вниманіе на улучшеніе производства*. Предприниматели земледѣльческой промышленности въ Англіи — это фермеры. Они не потеряли отъ отмѣны хлѣбныхъ законовъ; стало-быть не потеряли и землевладѣльцы, лендорды, — и сельскіе работники, которые, какъ извѣстно, ни что иное, какъ поденщики. Вошло-ли въ *улучшеніе производства* уменьшеніе ихъ задѣльной платы или нѣтъ? Намъ кажется, что такое уменьшеніе задѣльной платы составляетъ необходимѣйшій элементъ такого улучшенія. Въ такомъ смыслѣ, этотъ вопросъ и рѣшается, однимъ писателемъ, котораго сочиненіе у насъ теперь подъ рукою (Ledru-Rollin. Décadence de l'Angleterre). Но въ 139 № Указателя политико-экономическаго за 1839 годъ (Варшавская корреспонденція), мы нашли указанія объ этомъ предметѣ, почерпнутыя изъ англійскаго Экономиста. Въ приведенной статьѣ Указателя говорится сперва вообще, что отмѣна хлѣбныхъ законовъ въ Англіи имѣла блистательные результаты. Это положеніе доказывается послѣ двумя доводами — показаніемъ значительнаго нортомберлендскаго фермера Грея изъ Дильстона, и статистическими данными англійскаго Экономиста. Грей говоритъ: «Свободный ввозъ и вывозъ хлѣба, произвелъ самыя благопріятныя слѣдствія для земледѣлія, возбудилъ соперничество между земледѣльцами и арендаторами. Временное паденіе цѣны на хлѣбъ, не только не связало рукъ земледѣльцу (удивительно отчего тоже паденіе цѣнъ на хлѣбъ во Франціи производитъ результаты совершенно противные, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ рѣчи, произнесенной барономъ Тенаромъ, въ одной изъ земледѣльческихъ сходокъ въ 1838 г., Indépendance belge); но привело его *къ открытію средствъ значительно увеличить производительность почвы, при одинаковыхъ издержкахъ* (стало быть при употребленіи одинаковаго количества труда и капитала; возможно-ли это?). Продукція хлѣба приняла обширные, совершенно новые размѣры. Доходы съ земли возрасли громадно; между тѣмъ, народъ, при наплывѣ хлѣба изъ-за границы, получилъ возможность кормиться лучше и дешевле».

Варшавскій корреспондентъ Указателя говоритъ, что Грей подтверждаетъ это свое мнѣніе фактами; но что, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, ощущается у него недостатокъ въ статистическихъ данныхъ. Какъ этотъ недостатокъ статистическихъ данныхъ, такъ равно и *недостатокъ научной точности выраженія*, которой нельзя не замѣтить у Грея, неудивителенъ со стороны фермера; но эти недостатки, по мнѣнію Варшавскаго корреспондента, пополняются англійскимъ Экономистомъ.

Разсмотримъ сперва вкратцѣ положенія, вытекающія изъ показанія Грея. Онъ говоритъ: 1) Что доходъ съ земли значительно увеличился. 2) Что народъ сталъ питаться лучше и дешевле. (Въ экономическомъ смыслѣ, довольно перваго опредѣленія.) Подъ именемъ *дохода съ земли*, Грей вѣроятно разумѣетъ тотъ доходъ, который лендорды получаютъ отъ своихъ почвъ, и который состоитъ изъ двухъ элементовъ, изъ собственно *поземельной ренты* и изъ *процента отъ капитала*, вложеннаго въ землю, въ видѣ строеній и т. д. и особенно въ видѣ *удобреній*. Любопытно было бы знать, с которомъ изъ этихъ

элементовъ дохода говоритъ Грей? Если мысль его должно понимать такъ: соперничество заграничныхъ производителей принудило англійскихъ фермеровъ изыскивать новые, улучшенные способы производства, отъ которыхъ они получили большую противъ прежняго жатву, *не увеличивая издержекъ производства*, и слѣдовательно могли дать землевладѣльцамъ ренту большую, нежели прежде, однимъ словомъ, что фермеры съумѣли извлечь изъ даровыхъ силъ природы большую противъ прежняго жатву,— то признаемся, мы въ этомъ очень сомнѣваемся, и, какъ читатель увидитъ дальше, нашего сомнѣнія не разрѣшаетъ и англійскій Экономистъ. Но допустивъ даже, что *теперь*, увеличеніе поземельной ренты и произошло отъ *этой причины*, отъ введенія въ производимый хлѣбъ нѣкотораго количества полезнаго вещества, котораго тамъ прежде не было, которое оставалось безъ употребленія, нельзя не замѣтить, что такое увеличеніе ренты, очевидно и необходимо, имѣетъ свои предѣлы. И во всякомъ случаѣ, можно-ли было произвести эти *улучшенія* безъ употребленія новаго труда, новаго капитала, не увеличивая издержекъ? Кто и что выигралъ отъ этихъ улучшеній? Лэндлорды, конечно, *за вновь употребленную въ дѣло массу элементарныхъ силъ природы* получили ренту, фермеры принуждены платить больше противу прежняго, слѣдовательно они много, что ничего не потеряли.

Но, можетъ быть, народъ получилъ возможность питаться дешевле прежняго? Посмотримъ. Если второе положеніе Грея, что народъ получилъ возможность питаться лучше и дешевле, справедливо, то результаты отмѣны хлѣбныхъ законовъ въ Англіи, дѣйствительно блистательны. Лэндлорды, какъ и подобаетъ лэндлордамъ, получили большую противъ прежняго ренту, барышъ фермеровъ не уменьшился, и работники, при той-же, что и прежде задѣльной платѣ, получили возможность питаться лучше и дешевле. Еще разъ повторимъ, результатъ блистательный. Намъ однако кажется, что *изыскивая средства значительно увеличить производительность почвы*, какъ фермеръ, такъ и работники, непремѣнно должны были имѣть *увеличить и свой*

трудъ, и употребить новые капиталы; все это требуетъ *вознагражденія*, а откуда оно получается? Кто заплатитъ окончательно за произведенныя улучшенія? Вѣдь не землевладѣлецъ-же, и не фермеръ. Но посмотримъ, какимъ образомъ англійскій Экономистъ подтверждаетъ выводы Грея?

«Сравнивая приведенныя англійскимъ Экономистомъ цѣны на рожь, ячмень и овесъ за девятилѣтіе, предшествовавшее отмѣненію хлѣбныхъ законовъ, съ цѣнами за девятилѣтіе, послѣдовавшее этому отмѣненію, выйдетъ, что средняя цѣна квартера ржи, въ первое девятилѣтіе было 57 шиллинговъ 3 пенса, а также средняя цѣна въ девятилѣтіе, послѣдовавшее за отмѣною хлѣбныхъ законовъ, простирается до 54 ш. 5 пен.; поэтому разница заключается только въ 2 ш. 10 п. на квартеръ. (84 коп.) Средняя цѣна ячменя, въ первомъ періодѣ, была 33 ш. 1 п. за кварт., а въ другомъ она была 32 ш. 5 п., слѣдовательно, 11-ю пенсами (33 к.) ниже прежней; что касается овса, то средняя цѣна его въ первомъ періодѣ была 22 ш. 5 п., а во второмъ 22 ш.; разница 5 пенсовъ на квартеръ». Итакъ, англійскій Экономистъ рѣшительно не подтверждаетъ самаго важнаго положенія Грея, что *народъ питается дешевле прежняго*. Итакъ, опытъ еще не доказалъ, что введеніе въ теперешнія общества свободы торговли, свободы потребленія, при сохраненіи коренныхъ основаній теперешней экономической дѣятельности общества, принесетъ пользу; между тѣмъ статья, о которой мы сейчасъ говорить намѣрены, убѣждаетъ въ противномъ.

Въ Указателѣ Политико-экономическомъ № 140, вып. 36 5—17 сентября 1859 г., мы прочитали статью г. Бунге: «Отсутствующіе». Эту статью мы приводимъ, какъ сильнѣйшее доказательство нашего мнѣнія о томъ, что, при н а с т о я щ и х ъ экономическихъ условіяхъ общества, введеніе свободы торговли, свободы потребленія, вредно. Бунге говоритъ: «Въ ряду причинъ, нарушающихъ естественное развитіе общества, абсентеизмъ имѣетъ огромное значеніе. Обыкновенно подъ этимъ словомъ разумѣютъ пребываніе землевладѣльцевъ за границею, отсутствіе, влекущее за собою потребленіе дохода за гра-

ницею. Но отсутствующими могутъ быть признаны всѣ лица, потребляющія внѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ получаются ихъ доходы, а слѣдовательно не только промѣнивающіе свою родину для жизни въ чужихъ краяхъ, но также оставляющіе свои села для постоянной осѣдлости въ отдаленныхъ столицахъ; наконецъ къ этому разряду явленій должно отнести потребленіе средствъ, собираемыхъ съ цѣлаго государства въ опредѣленныхъ пунктахъ— абсентеизмъ финансовый».

Мы, съ своей стороны, добавимъ, что такъ-какъ присутствіе землевладѣльцевъ и вообще потребителей въ отечествѣ, желательно вовсе не потому, чтобы тамъ интересовались ихъ личностью, а потому, что тамъ интересуются *потребленіемъ ихъ дохода*, какъ собственно желательно присутствіе не ихъ лица, но ихъ кармана, то къ отсутствующимъ, которыхъ отсутствіе приноситъ вредъ для края, надо непремѣнно отнести и *лица, живущія въ отечествѣ, но потребляющія произведенія иностранной промышленности*.

Г. Бунге доказалъ ясно, положительно, наглядно и съ свойственною ему точностью изложенія, что *абсентеизмъ вреденъ для общества*. Не станемъ повторять его доказательствъ, которыя читатель можетъ найти въ приведенномъ нумерѣ Указателя; скажемъ только, что вредъ этотъ заключается въ томъ, что отсутствующіе уменьшаютъ производство, слѣдовательно противодѣйствуютъ интересамъ производителей, стало быть, интересамъ всего общества, такъ-какъ всѣ члены общества безъ малѣйшаго исключенія, для удовлетворенія своихъ потребностей, при существованіи теперешнихъ экономическихъ условій, должны имѣть доходъ, т. е. быть производителями.

Далѣе г. Бунге приводитъ и обстоятельства, смягчающія вредъ абсентеизма, они суть: 1) болѣе экономическое потребленіе на чужбинѣ, дающее возможность *большаго поощренія національной промышленности* въ будущемъ; 2) обратный привозъ изъ-за границы запаса производительныхъ силъ, знанія, искусства, и т. д.; 3) характеръ потребленія, деморализирующій и потребителя, и производителя.

Хотя самъ г. Бунге эти смягчающія обстоятельства признаетъ не болѣе, какъ исключеніями, и хотя они, слѣдовательно, ни мало не уменьшаютъ силы его доказательствъ, подкрѣпляющихъ и наше положеніе, тѣмъ не менѣе мы двухъ первыхъ даже не можемъ признать исключеніями. Въ самомъ дѣлѣ, правда, что экономія, происходящая отъ потребленія за границею (все равно, потребляющее лицо остается ли въ краю, или нѣтъ), даетъ возможность поощрять національную промышленность въ будущемъ, но все-таки поощреніе этой промышленности *необходимо*: оно составляетъ интересъ общества, и отсутствующій въ такомъ видѣ потому только не вреденъ *теперь*, что онъ вознаградитъ здѣсь вредъ *въ будущемъ*. Въ этомъ случаѣ можно сказать: Выѣзжайте за границу и потребляйте заграничныя произведенія, и тѣмъ сберегайте и образуйте капиталы, но вы не будете вредны для своего края только въ такомъ случаѣ, если впослѣдствіи, образованный вашими сбереженіями капиталъ употребите въ дѣло въ отечествѣ». Второе обстоятельство въ особенности никакъ уже не можетъ быть признано исключеніемъ. Потребляющіе свой доходъ за границею съ тѣмъ, чтобы оттуда привезть запасы знанія, искусства, и т. д. рѣшительно *поощряютъ народный трудъ*, и, слѣдовательно, можно сказать, что ихъ потребленіе потому именно и полезно. Они, очевидно, находятся въ такомъ положеніи, въ которое желали бы поставить производителей приверженцы торговаго баланса, совѣтующіе этимъ послѣднимъ *покупать* за границею *сырые матеріалы*, и *продавать* ихъ за границу въ видѣ мануфактурныхъ издѣлій. Очевидно, потребляющій за границею, въ этомъ видѣ (и опять-таки, все равно, остается ли онъ дома или нѣтъ) потому только не вреденъ, что изъ потребителя онъ сдѣлается производителемъ, потому-что пріобрѣтенный имъ за границею запасъ свѣденій и искусства, въ видѣ капитала, онъ употребитъ въ дѣло въ отечествѣ. Но все-таки и къ этому потребителю можно обратиться съ слѣдующею рѣчью: «Выѣзжайте за границу, потребляйте внѣ вашего отечества, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы, потребляя такимъ образомъ, вы пріобрѣтали запасъ свѣдѣній и

искусства, которыя *непременно* вы должны будете употребить въ дѣло за *вашемъ отечествѣ*; но помните однако и то, что покамѣстъ вы получите возможность такого употребленія въ дѣло вашихъ познаній и искусства впослѣдствіи, — значительная масса вашихъ согражданъ *нуждается въ работѣ теперь*, и если ея не получитъ, будетъ страдать неминуемо. Относительно третьяго обстоятельства, то оно не только не опровергаетъ положеній г. Бунге и нашихъ, напротивъ ихъ подтверждаетъ. Потребляющій, потребленіе котораго деморализируетъ его самого и производителей, не только *не поощряетъ промышленности* ни дома, ни за границею, но напротивъ онъ ее уничтожаетъ. Итакъ, мы все-таки къ правѣ сказать: «При существованіи теперешнихъ экономическихъ условій, поощреніе національнаго труда необходимо; примѣненіе свободы потребленія, абсентенамъ, во всѣхъ его видахъ, вредно.»

Нельзя, однакожъ, не замѣтить, что если свобода потребленія вредна, то не менѣе вредно и его рабство. Мы не говоримъ уже, что оно противно строгому праву, что оно составляетъ явное посягательство на личную свободу и собственность, мы говоримъ только о его послѣдствіяхъ экономическихъ. Въ самомъ дѣлѣ: если, съ строгою логическою послѣдовательностью, примѣнить желаніе г. Бунге, выраженное въ приведенной статьѣ, чтобы всякій жилъ въ своемъ уголкѣ, то человѣкъ необходимо замѣнится въ какого-то гриба или моллюска, его развитіе пріостановится, потребности ограничатся, а вмѣстѣ ограничится и его дѣятельность. Тѣже послѣдствія необходимо будетъ имѣть, и всегда имѣетъ, и всякая покровительственная система, всякое поощреніе національнаго труда, принужденное или свободное, какъ мы это уже доказали. Чтоже заключить изъ этого? Свобода потребленія вредна, не менѣе вредно и стѣсненіе этой свободы; ужели должно провозгласить принципъ умѣреннаго покровительства? Мы полагаемъ, что такое провозглашеніе будетъ противно законамъ логики; что двухъ, совершенно другъ друга исключающихъ принциповъ примирить нельзя, что такое примиреніе не поведетъ къ хорошимъ послѣдствіямъ. Мы полагаемъ, что принципъ свободы потребленія есть истинный и законный, потому, что онъ покровительствуетъ законному интересу человѣка, удовлетворенію разумныхъ и законныхъ его потребностей, что если введеніе его въ теперешнюю экономическую среду приноситъ вредъ несомнѣнный, то это потому, что сама эта среда не нормальна, что коренныя условія теперешней экономической дѣятельности не раціональны.—Намъ кажется, что другое заключеніе логически невозможно.

Все, что мы сказали о способѣ образованія мѣновой цѣнности въ настоящихъ обществахъ, и о послѣдствіяхъ такого образованія, должно быть вполнѣ примѣнено и къ машинамъ. Послѣдствіе введенія машинъ совершаются въ настоящихъ обществахъ подъ вліяніемъ тѣхже экономическихъ условій, подъ которыми въ нихъ образуется цѣнность.

Результатъ употребленія машинъ, до сихъ поръ, составляетъ спорный пунктъ въ наукѣ. Съ одной стороны польза ихъ несомнѣнна, съ другой никакіе софизмы не могутъ закрыть печальной очевидности вреда, приносимаго машинами. Потому употребленіе и особенно введеніе вновь усовершенствованныхъ машинъ имѣетъ своихъ сторонниковъ и противниковъ. Споръ между ними очевидно имѣетъ основаніе въ недоразумѣніи, въ неточномъ наблюденіи экономическихъ фактовъ. Тотъ, кто безусловно порицаетъ машины, очевидно также не правъ, какъ и тотъ, кто безусловно порицаетъ общественную жизнь и предпочитаетъ ей мнимое естественное состояніе; тотъ, кто не видитъ вреда, причиняемаго введеніемъ машинъ въ теперешнюю экономическую среду, или слѣпъ, или упорствуетъ.

Что такое машины? Въ чемъ состоитъ ихъ польза, и отчего онѣ вредны! Въ чемъ состоитъ вредъ, несомнѣнно причиняемый ихъ введеніемъ? Постараемся рѣшить эти вопросы на основаніи не началъ и мнѣній, принятыхъ произвольно, а на основаніи непреложнаго экономическаго закона, имѣя въ виду нормальный интересъ общества: удовлетвореніе разумныхъ и законныхъ потребностей всѣхъ, безъ исключенія, его членовъ. Будемъ наблю-

дать факты необходимые, но въ тоже время постараемся изслѣдовать и факты нормальные.

Человѣческія общества, совершенствуясь, дѣятельность свою, имѣющую результатомъ удовлетвореніе потребностей, совершаютъ подъ вліяніемъ закона раздѣленія труда. Не часто въ настоящемъ разсужденіи распространяться о пользѣ раздѣленія труда; мы только замѣтимъ (съ чѣмъ полагаемъ согласятся всѣ), что начало раздѣленія труда составляетъ необходимое условіе экономической дѣятельности и общественнаго преуспѣянія, и что машины составляютъ непосредственный и необходимый результатъ примѣненія этого начала къ экономической дѣятельности.

Подъ именемъ машины надо разумѣть всякое орудіе, способствующее человѣку въ примѣненіи его дѣятельности—все равно, дано-ли это орудіе природою или сдѣлано человѣкомъ. Впрочемъ, если орудіе, данное природою, примѣнено уже и приспособлено къ труду человѣкомъ, то оно должно быть почитаемо за произведеніе этого труда. Итакъ: иголка, гвоздь, шило, блокъ, плугъ, рычагъ, паровая машина, каналъ, рѣка, шоссе, желѣзная дорога, и т. д. все это машины. Всѣ, безъ исключенія, машины или способствуютъ удобнѣйшему примѣненію труда и силъ человѣка, (напр: иголка, шило, шрубштакъ), или замѣняютъ собою его трудъ до извѣстной степени, давая ему возможность подчинять себѣ силы природы для производства (вѣтренная или водяная мельница, паровая машина). Окончательный результатъ употребленія машинъ есть усиленіе производства, увеличеніе массы полезныхъ предметовъ. Не станемъ здѣсь приводить, ни исчислять результатовъ увеличенія массы полезныхъ предметовъ, которымъ мы обязаны машинамъ. Эти результаты общеизвѣстны, и лучше всего изложены въ приведенномъ выше сочиненіи М. Шевалье Основываясь на этихъ результатахъ, экономисты признали машины безусловно полезными. Въ этомъ случаѣ, они, однако, забываютъ, что въ теперешнихъ обществахъ существуетъ странное явленіе, что въ нихъ изобиліе полезныхъ предметовъ составляетъ настоящее общественное бѣдствіе, хотя въ тоже время, и въ тѣхъ же обществахъ народонаселеніе умножается въ

прогрессіи геометрической, а средства содержанія въ прогрессіи ариѳметической. Въ этомъ отношеніи экономисты разсуждали подъ вліяніемъ той мысли, что задача экономической дѣятельности состоитъ единственно въ производствѣ; они выпускали изъ виду важнѣйшій интересъ человѣка—удовлетвореніе потребностямъ, безъ котораго производство ничего не значитъ и ни къ чему не ведетъ; они въ этомъ случаѣ не хотѣли принять въ соображеніе благосостоянія, какъ единственнаго критеріума для повѣрки нормальности экономическихъ явленій. Они говорили: если введеніе машинъ способствуетъ увеличенію производства, увеличенію массы полезныхъ предметовъ, то машины полезны безусловно; отъ ихъ введенія никто страдать не можетъ, эти страданія чистыя выдумки. Но когда опытъ убѣдилъ въ противномъ, когда ланкастерскіе и іоркшайрскіе ручные ткачи въ числѣ 40 т. семействъ вымерли медленною смертью, истощивъ всѣ свои силы въ безполезной борьбѣ съ машинами, когда слѣдствіе, наряженное англійскимъ парламентомъ въ 1838 г., выказало дѣйствительное существованіе этихъ страданій, защитники безусловнаго введенія машинъ обратились къ другому аргументу,—они сказали: «если работники теряютъ отъ введенія машинъ, какъ производители, то они выигрываютъ, какъ потребители» (Blanqui aîné). На это очень дѣльно возразили, что предварительно они вымираютъ съ голоду, что тотъ, кто теряетъ, какъ производитель, не можетъ выигрывать, какъ потребитель. Да притомъ аргументъ этотъ можетъ относиться къ однимъ работникамъ, и аргументаторъ позабылъ, что всѣ, безъ исключенія, члены общества имѣютъ характеръ и интересы производителей, и что они тогда только не потеряютъ въ качествѣ потребителей, когда ихъ интересы, какъ производителей, не будутъ нарушены, когда доходъ ихъ не уменьшится.

Далѣе экономисты еще сказали, что такъ, какъ машины вводятся не вдругъ, а постепенно, то и вредъ отъ нихъ раскладывается, такъ сказать, на очень продолжительное время, и потому почти уничтожается, а польза отъ нихъ остается. Но мы не думаемъ, чтобы аргументъ этотъ могъ быть серьезно за-

щищаемъ. Еще сказали: «ну чтожъ, если, при введеніи машинъ кто-нибудь и страдаетъ, то это страданіе необходимо, слѣдовательно оно нормально, оно такъ и быть должно, и отъ этого страданія во всякомъ случаѣ выигрываетъ общество. Другими словами: что за дѣло, если тысячи работниковъ, отъ введенія машинъ вымираютъ голодною смертью, но остальные члены общества обогащаются. Кромѣ того М. Шевальэ утверждаетъ, что хотя вредъ, приносимый введеніемъ машинъ, существуетъ дѣйствительно, но, что этотъ вредъ временной и проходящій, что этотъ вредъ, причиненный введеніемъ машинъ одинъ разъ, не повторится болѣе. Посмотримъ такъ-ли все это?

И съ самаго начала замѣтимъ, что недостаточно разсматривать машины только по отношенію къ усиленію производства. — Для изысканія непреложныхъ экономическихъ законовъ, всякое экономическое явленіе необходимо оцѣнивать на основаніи критеріума благосостоянія; тоже должно сказать и о введеніи машинъ. Попробуемъ взглянуть на машины съ этой точки зрѣнія. Посмотримъ: какимъ образомъ машины способствуютъ удовлетворенію потребности?

Что по природѣ своей машины полезны, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; польза ихъ заключается въ усиленіи производства, въ увеличеніи массы полезныхъ предметовъ, и нападать на машины, отвергая безусловно ихъ пользу, очевидно невозможно. Но введеніе машинъ въ т е п е р е ш н и х ъ обществахъ, при теперешнихъ экономическихъ условіяхъ, приноситъ-ли пользу или вредъ? Уже простое соображеніе того обстоятельства, что, въ теперешнихъ обществахъ, изобиліе полезныхъ предметовъ составляетъ настоящее бѣдствіе, заставляетъ сомнѣваться, чтобы машины могли принести пользу тѣмъ, что способствуютъ увеличенію массы такихъ предметовъ. Пользу машины могли-бы принести только тогда, когда бы, усиливая производство, онѣ вмѣстѣ увеличивали цѣнность, какъ силу, дѣйствительно удовлетворяющую потребности, если бы онѣ способствовали такому удовлетворенію потребности. Имѣютъ-ли машины такой результатъ? Очевидно, нѣтъ.

Возьмемъ въ данномъ обществѣ одинъ какой-нибудь изъ случаевъ образованія цѣнности, прежде введенія машинъ. Сумма такихъ случаевъ составляетъ всю экономическую жизнь общества; поэтому замѣчанія, сдѣланныя относительно этого одного случая, въ равной мѣрѣ могутъ быть примѣнены и ко всей экономической жизни. Мы уже выразили такой случай произведенія цѣнности формулою:

$$X=(N\,|\,H)\ V.$$

Мы уже знаемъ, что обозначаютъ количества, входящія въ эту формулу; предположимъ, что мы нашли величину $X = A$, и что масса полезныхъ предметовъ, произведенныхъ въ этомъ случаѣ, равна B. Если такіе случаи производства цѣнности въ данномъ обществѣ, въ теченіе *напр.* года, повторились B разъ, то вся масса полезныхъ предметовъ, произведенныхъ во всѣхъ этихъ случаяхъ, будетъ равна $B.\ C$. Эти предметы изъ полезныхъ дѣлаются цѣнными, дѣйствительно удовлетворяютъ потребности въ большей или меньшей степени, смотря по тому, при какихъ условіяхъ они производятся, но во всякомъ случаѣ они удовлетворяютъ потребности извѣстнымъ образомъ. Посмотрить, какое видоизмѣненіе въ этомъ образѣ удовлетворенія потребности произведетъ введеніе, въ производство даннаго общества, машинъ.

Машины замѣняютъ собою дѣятельность человѣка, слѣдовательно всякій данный случай производства цѣнности, въ данномъ обществѣ, при введеніи машинъ, можетъ быть выраженъ слѣдующею формулою: $X = (N' \,|\, B \,|\, H'—B)\ V$. Здѣсь, какъ извѣстно, кол. выражаетъ сумму силъ человѣческихъ, устраненныхъ отъ содѣйствія въ производствѣ цѣнности въ данномъ случаѣ отъ введенія машинъ. Сравнимъ этотъ случай производства цѣнности при введеніи машинъ съ тѣмъ, который мы только что разсматривали, прежде введенія машинъ, и замѣтимъ, что всѣ замѣчанія, сдѣланныя на этотъ одинъ случай, необходимо должно приложить и ко всей суммѣ такихъ случаевъ, составляющихъ экономическую жизнь общества. Предположимъ, что количества $N' = N$ и $H' = H$. Слѣдовательно и $(N' \,|\, B \,|\, H'—B)—(H \,|\, N)$ т. е., что количество сопротивленія силъ природы, взятое вмѣстѣ съ количест-

вомъ дѣятельности человѣка въ одномъ случаѣ, равно суммѣ количества содѣйствія силъ природы и человѣческой дѣятельности во второмъ случаѣ. Допустимъ далѣе, что масса произведенныхъ полезныхъ предметовъ, въ этотъ второмъ случаѣ, (при введеніи машинъ) больше такой массы полезныхъ предметовъ, произведенныхъ въ первомъ случаѣ (безъ машинъ). Предположимъ, что эта масса равна B+n; слѣдовательно допустивъ, что всѣхъ случаевъ производства цѣнности, при введеніи машинъ, въ данномъ обществѣ, въ теченіе года было C, вся масса произведенныхъ въ это время полезныхъ предметовъ, будетъ (B+n) C. Но увеличилась-ли въ такой же мѣрѣ и цѣнность этихъ предметовъ? (цѣнность настоящая, а не мѣновая). Увеличилось-ли въ такой же мѣрѣ удовлетвореніе потребности, и съ нимъ благосостояніе? Очевидно, оно не только не увеличилось, но уменьшилось. Мы уже видѣли, что въ формулѣ: $X=(N+B+H-B)V$, выражающей собою всякій случай производства цѣнности, при настоящихъ экономическихъ условіяхъ общества, когда уменьшается количество дѣятельности человѣка, и когда въ такой же мѣрѣ увеличивается сумма содѣйствія силъ природы; величины X и U уменьшаются. Мы видѣли и причину этого уменьшенія: она происходитъ оттого, что въ такомъ случаѣ, всѣ дѣятели, дѣятельность которыхъ устранена, лишаются дохода; а слѣдовательно и возможности удовлетворенія потребности, а слѣдовательно и скорость этого удовлетворенія, во всякомъ данномъ случаѣ, должна уменьшиться, а съ нею и величина настоящей цѣнности, выражаемая количествомъ X. Итакъ, въ разсматриваемомъ нами случаѣ производства цѣнности, при введеніи машинъ, сравнительно со случаемъ такого производства безъ машинъ, не смотря на то, что масса произведенныхъ полезныхъ предметовъ увеличилась, удовлетвореніе потребности, а съ нимъ и благосостояніе уменьшилось.

Это замѣчаніе, вѣрное для одного даннаго случая производства цѣнности, въ равной мѣрѣ вѣрно и для всѣхъ такихъ случаевъ, сумма которыхъ составляетъ экономическую жизнь общества. Произведенные въ этомъ случаѣ въ излишкѣ полезные предметы, не перемѣняются въ предметы цѣнные, не служатъ въ удовлетворенію потребности, но напротивъ они служатъ основаніемъ мануфактурныхъ и коммерческихъ кризисовъ и застоевъ, и увеличиваютъ собою тяжесть пролетаріата, потому что человѣкъ бѣднѣе тамъ, гдѣ есть много полезныхъ предметовъ, которыми онъ не можетъ пользоваться, хотя ощущаетъ въ нихъ потребность, и хотя ими пользуются другіе, нежели тамъ, гдѣ этихъ предметовъ нѣтъ, гдѣ онъ не ощущаетъ въ нихъ потребности, и гдѣ ими никто не пользуется. Очевидно англійскій пролетарій бѣднѣе, нежели киргизъ или черкессъ.—Изъ сказаннаго очевидно, что введеніе машинъ въ настоящихъ.

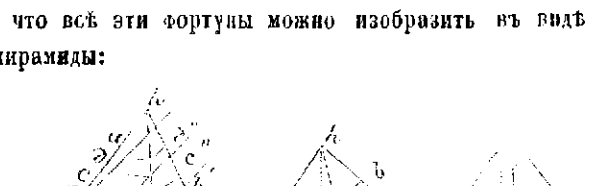
обществахъ причиняетъ вредъ; видна также и причина, по которой введеніе это не можетъ не причинять вреда. Въ самомъ дѣлѣ, въ теперешнихъ обществахъ, при теперешнихъ условіяхъ экономической дѣятельности, всѣ члены общества могутъ удовлетворять всѣ потребности не иначе, какъ получивъ предварительно доходъ; введеніе машинъ имѣетъ необходимымъ послѣдствіемъ изобиліе полезныхъ предметовъ, а доходъ всѣхъ, безъ исключенія, членовъ общества обратно пропорціоналенъ изобилію производимыхъ ими полезныхъ предметовъ; изобиліе это, при теперешнихъ экономическихъ условіяхъ, составляетъ настоящее общественное бѣдствіе. Итакъ очевидно, что введеніе машинъ въ теперешнюю экономическую среду приноситъ вредъ несомнѣнный; вредъ этотъ состоитъ въ накопленіи полезныхъ предметовъ, которые теряютъ, такимъ образомъ, мѣновую цѣнность, отчего ихъ производители лишаются своего дохода и способности удовлетворить своимъ потребностямъ. Это накопленіе окончательно разражается мануфактурнымъ и коммерческимъ кризисомъ и настоящею экономическою бурею, отъ которой работники погибаютъ тысячами. Такое послѣдствіе введеніе машинъ въ Англіи имѣло всегда, такое послѣдствіе оно имѣетъ тамъ и теперь (см. С. Пет. Вѣдомости № 188, 1859 г. Корресп. изъ Англіи). Но вредныя послѣдствія отъ введенія въ теперешнюю экономическую среду машинъ, не ограничиваются одними работниками: они, на основаніи закона солидарности, въ видѣ мануфактурнаго и коммерческаго кризиса, распространяются на всѣхъ производителей,

т. е. на всѣхъ, безъ исключенія, членовъ общества, подобно тому, какъ въ тѣлесномъ организмѣ, одинъ органъ его не можетъ страдать безъ того, чтобы страданіе не распространилось, по закону органическаго сочувствія, и на другіе органы. Вреднымъ послѣдствіямъ введенія машинъ и происходящихъ отъ него промышленныхъ бурь и кризисовъ, работники подвергаются только въ большой степени и скорѣе, нежели прочіе производители. Но можетъ быть скажутъ, что вредъ причиненный введеніемъ какой-либо новой машины, случается только одинъ разъ и не повторяется болѣе ни при усовершенствованіи той же машины, ни при введеніи новыхъ машинъ. Хотя мы могли бы и не опровергать этого положенія, хотя указавъ ясно на причину вреда причиняемаго введеніемъ машинъ, мы могли бы ограничиться отвѣтомъ, что одинаковыя причины производятъ всегда и одинаковыя послѣдствія, и что стало быть, если причина, по которой введеніе машинъ въ теперешнихъ обществахъ вредно, останется во всей своей силѣ и не будетъ устранена, то она будетъ продолжать дѣйствовать, и при введеніи всякой новой машины вредныя послѣдствія этого введенія повторятся неизбѣжно; но мы не ограничимся этимъ отвѣтомъ, мы постараемся взглянуть на этотъ предметъ по-пристальнѣе и разсмотрѣть его по-внимательнѣе.

Мы однако не станемъ описывать картины страданій, причиненныхъ одинъ разъ введеніемъ машинъ, какъ населенію работниковъ, такъ и вообще производителямъ напр. въ Англіи, гдѣ въ одномъ Ланкашейрѣ 40 т. ручныхъ ткачей вымерло смертью; эти возмущающія человѣческое чувство картины всѣмъ извѣстны, ихъ можно найти въ рапортѣ, назначенной англійскимъ парламентомъ въ 1838 г. коммисіи. Мы только остановились на томъ, что фактъ совершился; промышленный кризисъ и промышленная буря пронеслись надъ страною, тысячи работниковъ или выселились, или вымерли голодною смертью, стерты конкуренціею машинъ съ лица земли. Что же дальше? Ужели этотъ фактъ не повторится болѣе? Ужели остальные члены общества будутъ наслаждаться полнымъ благосостояніемъ? Въ этомъ обществѣ все

осталось по прежнему, не перемѣнилось ниодно изъ условій его экономической дѣятельности. Въ немъ остались землевладѣльцы, капиталисты, предприниматели промышленности и работники, необходимые при машинахъ, которыхъ конкуренція этихъ машинъ пощадила, не убила и не выгнала. Всѣ эти лица имѣютъ потребности и интересъ ихъ удовлетворенія. Удовлетворять своимъ потребностямъ они могутъ, по прежнему, только по мѣрѣ величины ихъ дохода, а величина этого дохода, по прежнему, прямо-пропорціональна полезности производимыхъ ими предметовъ, и обратно-пропорціональна ихъ изобилію. По прежнему въ этомъ обществѣ, изобиліе полезныхъ предметовъ, составляетъ общественное бѣдствіе; какъ же послѣ этого думать, что введеніе въ это общество новой машины или усовершенствованіе машины, уже существующей, необходимо производящее изобиліе полезныхъ предметовъ, не принесетъ вмѣстѣ и новыхъ промышленныхъ бурь и кризисовъ, новыхъ страданій? Притомъ, всякая промышленная буря, вызванная введеніемъ машинъ въ обществѣ, необходимо имѣетъ два рода послѣдствій: или участки богатства, не принадлежащія всякому члену общества, останутся по прежнему не равны между собою, или они совершенно между собою сравнятся; третій случай очевидно невозможенъ. — Разсмотримъ поочередно эти оба случая.—

Обыкновенно всѣ средства къ жизни, которыми обладаютъ частныя лица, всѣ источники ихъ дохода, состоятъ или въ землѣ и капиталѣ, и называются фортуною, или они заключаются въ нравственныхъ или физическихъ силахъ и способностяхъ, и могутъ быть сравнены съ фортуною. По отношенію фортуны и дохода, всѣ члены общества весьма между собою не равны. такъ, что всѣ эти фортуны можно изобразить въ видѣ извѣстной пирамиды:



Вершину этой пирамиды составляетъ одна или нѣсколько фортунъ самаго большаго размѣра; далѣе, идя къ основанію, фортуны все уменьшаются, по значенію, но ихъ число увеличивается; наконецъ въ самомъ основаніи находится самое большое количество фортунъ самаго меньшаго размѣра. Мѣновая цѣнность этихъ фортунъ, а слѣдовательно и ихъ доходность, количество средствъ содержанія, которыя можно получить посредствомъ этихъ фортунъ, изображается посредствомъ отношенія между количествами вымѣниваемыхъ предметовъ, такъ, что сила фортуны каждаго члена общества, ея доходность, ея способность удовлетворять потребности, зависитъ отъ силы и доходности другихъ фортунъ, отъ ихъ способности удовлетворять потребностямъ; равно какъ и цѣна всякаго полезнаго предмета зависитъ отъ количества другихъ предметовъ, которое дадутъ за извѣстное количество даннаго предмета. Если напр. за 1 пудъ муки, въ одномъ случаѣ можно получить 1 день работы, а въ другомъ случаѣ за 2 пуда муки можно получить 2 такихъ дня, то очевидно, цѣна муки въ одномъ и другомъ случаѣ равны между собою. Всѣ фортуны членовъ общества, въ данное время, состоятъ между собою въ данномъ отношеніи. Допустимъ, что самыя большія фортуны въ b, превышаютъ самыя меньшія въ 1 милл. разъ. Слѣдовательно, цифры, выражающія эти фортуны, составятъ прогрессію, состоящую изъ отношеній чиселъ отъ 1 милл. до 1. Если принять во вниманіе только числа кратныя, то прогрессія эта будетъ геометрическая (впрочемъ все равно, будетъ ли она и ариѳметическая). Въ такомъ состояніи общества, возможность удовлетворенія потребности всякаго изъ его членовъ, распредѣлена пропорціонально фортунѣ каждаго изъ нихъ. Очевидно, относительная важность каждаго богатства, возможность удовлетворенія потребности, которою обладаетъ каждый членъ общества, зависитъ отъ мѣста, которое въ прогрессіи занимаетъ число, выражающее его фортуну, отъ отношенія, существующаго между даннымъ числомъ, выражающимъ собою фортуну даннаго члена, и числами, выражающими фортуны другихъ членовъ общества. Чье напр. богатство выражается числомъ

8, тотъ вдвое богаче того, чье богатство выражается числомъ 4; онъ имѣетъ вдвое больше способности удовлетворить свои потребности, можетъ получать вдвое больше дохода. Но и тотъ, чье богатство выражается числомъ 800 богаче не больше, какъ вдвое того, чье богатство выражается числомъ 400. Если напр. возьмемъ во вниманіе три общества, въ которыхъ фортуны частныхъ лицъ выражаются слѣдующими прогрессіями:

1) ⋮ 1: 2: 4: 8: 16: 32: ⋮
2) ⋮ 2: 4: 8: 16: 32: 64: ⋮
3) ⋮ 100: 200: 400: 800: 1,600: 3,200: — и т. д.,

то очевидно, что члены перваго будутъ богаты въ равной степени, какъ и члены втораго и третьяго. Въ первомъ, членъ, фортуна котораго выражается числомъ 1 также богатъ, какъ и членъ втораго и третьяго, которыхъ фортуна выражается числами 2 и 100; его богатство относится къ богатству напр. третьяго члена тойже прогрессіи какъ 1: 4; богатство перваго члена второй прогрессіи, относится къ богатству третьяго члена тойже прогрессіи тоже, какъ 1: 4; тоже должно сказать и о членахъ третьей прогрессіи. Въ этомъ обществѣ богатство и удовлетвореніе потребности распредѣлены пропорціонально фортунамъ.

Теперь представимъ себѣ случай экономической бури, изгнавшей или уничтожившей все народонаселеніе, фортуна котораго представляется въ основаніи пирамиды. Пирамида отъ этого не опрокинулась, она все-таки стоитъ на мѣстѣ, только она уменьшилась (уменьшилось стало быть число народонаселенія общества, часть его вымерла или удалилась), ея основаніе изъ четвероугольника a, перешло на четвероугольникъ, положимъ b, прогрессія фортунъ оканчивается не единицею, а уже положимъ числомъ 8. Богатство всѣхъ членовъ общества, количество дохода, которое они могутъ получить, не измѣнилось потому, что отношеніе между числами, выражающими ихъ фортуны, не измѣнилось; отношеніе это, положимъ, выражается показателемъ 4; этотъ показатель остался очевидно тотже, только первый

членъ прогрессіи былъ врежде 1, а теперь, положимъ, 4 (И. Пасси).

Нельзя однакожъ не замѣтить, что, послѣ каждой экономической бури, состояніе остальныхъ членовъ общества нѣсколько улучшается. Хотя доходы его членовъ не увеличились, но если всѣ лица, которыя пострадали, лишились своихъ доходовъ, удалились или вымерли, то сумма полезныхъ предметовъ все-таки увеличилась, и это увеличеніе выражается обыкновенно въ нѣкоторой ихъ дешевизнѣ, въ большей возможности для остальныхъ членовъ общества пользоваться этими предметами. Это только доказываетъ, что дурное начало, на которомъ основаны экономическая дѣятельность общества, не можетъ произвести всѣхъ дурныхъ послѣдствій, на которыя оно способно; въ этомъ ему препятствуетъ сила вещей, живучесть самаго общества, но это нисколько не оправдываетъ самаго начала.

Дѣйствительно, такое состояніе общества, въ сравненіи съ предыдущимъ, когда собиралась экономическая буря, или во время ея разраженія лучше; но какими жертвами оно выкуплено! Вѣдь для этого необходимо, чтобы ни одинъ изъ членовъ общества, лишенныхъ дохода отъ введенія машинъ, въ немъ не остался; необходимо, чтобы всѣ они до одного или удалились, или вымерли. Но что всего главнѣе, это то, что такое состояніе общества не можетъ продолжаться. Новая буря появится непремѣнно и необходимо скорѣе, или позднѣе. Всякое усовершенствованіе въ производствѣ, введеніе новой или усовершенствованіе уже существующей машины, всякое проведеніе или улучшеніе путей сообщенія, будетъ необходимымъ и неизбѣжнымъ приготовленіемъ къ этой новой бурѣ, которая съ большимъ наклоненіемъ этихъ улучшеній разразится неминуемо, потому что въ обществѣ все-таки величина удовлетворенія потребности зависитъ отъ величины дохода, а величина дохода обратно-пропорціональна обилію полезныхъ предметовъ. Одинаковыя причины, при совершенно одинаковыхъ обстоятельствахъ производятъ, какъ извѣстно, совершенно одинаковыя послѣдствія. Въ этомъ случаѣ

можно избѣжать новыхъ промышленныхъ бурь только подъ условіемъ неподвижности общества, при отсутствіи улучшеній, а какъ это условіе неисполнимо, то всякой экономической бурѣ въ болѣе или менѣе отдаленной будущности послѣдуютъ неизбѣжно новыя бури. Даже, допустивъ, что вся сумма усовершенствованій доступныхъ человѣчеству исчерпана, и что новыхъ впереди не предвидится, что общество достигло своего развитія и остановилось въ теперешней своей формѣ, живетъ ровно, не двигаясь впередъ, едва-ли описанное нами состояніе можетъ быть признано удовлетворительнымъ и нормальнымъ. Въ этомъ обществѣ необходимо долженъ существовать цѣлый классъ людей, обреченный на тяжелый физическій трудъ, трудъ, лишающій его даже возможности нравственнаго образованія. При этой мысли становится понятенъ смыслъ словъ, сказанныхъ недавно въ англійскомъ парламентѣ извѣстнымъ его членомъ Робакомъ: «для благосостоянія и счастья страны, трудящіяся сословія не должны имѣть другихъ средствъ существованія, кромѣ своего жалованья». Это дѣйствительно былъ бы идеалъ общества, еслибы оно остановилось въ развитіи и окаменѣло въ той формѣ, въ какой находится теперь; но оно не можетъ остановиться, оно живетъ, подвигается, улучшенія и усовершенствованія появляются и вызываютъ всякій разъ новую экономическую бурю, новое уменьшеніе общественной пирамиды.

Разсмотримъ теперь второй случай послѣдствій экономической бури. Допустимъ, (хотя, можетъ быть, это и невозможно) что оставшіеся послѣ такой бури члены общества обладаютъ фортунами, совершенно одна другой равными. Тогда они становятся бѣдняками или богачами, смотря потому, имѣютъ ли они мало или много средствъ содержанія; степень ихъ бѣдности или богатства зависитъ уже не отъ количества дохода всякаго члена (это количество = 1) и не отъ означенія его фортуны, но отъ количества всѣхъ полезныхъ предметовъ, которыми обладаетъ общество; притомъ они богаты или бѣдны, всѣ въ одинаковой степени. Но все-таки надо жить, т. е. производить, удовлетворять потребности. Но такъ какъ богатство, результатъ дѣятель-

ности членовъ общества распредѣляется пропорціонально фортунѣ всякаго изъ нихъ, т. е., въ настоящемъ случаѣ, по рову, то имъ необходимо работать, напр. при машинахъ по очереди. Хотя всѣ они и обладаютъ извѣстнымъ капиталомъ, но такъ какъ накопленный трудъ, называемый капиталомъ, безъ участія живаго и постояннаго труда вовсе не производителенъ, такъ какъ машины и всѣ средства и орудія производства, безъ участія работниковъ, могутъ простоять вѣкъ, и ничего не произведутъ, то повторяемъ, всѣ члены общества, безъ исключенія, въ настоящемъ случаѣ, должны работать. Очевидно, въ этомъ случаѣ, общество съ его трудомъ, находится лицемъ къ лицу съ силами природы и со всѣми усовершенствованіями, изобрѣтеніями и улучшеніями, со всѣми машинами и орудіями, существованіемъ своимъ обязанными предыдущему труду, совершенно въ такомъ же положеніи, въ какомъ находились такъ названныя, первобытныя общества къ природѣ и капиталу въ тогдашнемъ ихъ состояніи. Потому, члену общества, который желалъ бы избавиться отъ очереднаго движенія жерновъ, или отъ носки дровъ и воды въ паровыя машины, пришлось бы пріобрѣсти рабовъ. Еще разъ повторяемъ: понятенъ весь грозный смыслъ, приведенныхъ словъ г. Робака.

Но если даже допустить, что когда-либо общество, послѣ промышленныхъ бурь, вызванныхъ введеніемъ машинъ и очутилось въ только что описанномъ состояніи, то это состояніе не можетъ продолжаться. Во-первыхъ, всякое новое изобрѣтеніе и усовершенствованіе въ способахъ производства промышленности, введеніе въ употребленіе какой-нибудь новой машины, проведеніе новой дороги, и т. д. непремѣнно нарушитъ описанное нами равенство фортунъ; всякое изъ этихъ улучшеній и усовершенствованій образуетъ монополію. Во-вторыхъ, при описанномъ теперь состояніи общества, тѣлесная сила и ловкость, и вообще тѣлесныя качества очевидно играютъ важную роль, очевидно, что въ такомъ обществѣ они будутъ стремиться завладѣть монополіею, или лучше сказать, эта монополія образуется сама собою, потому что, если всѣ члены общества не захотятъ работать по-

очередно или не успѣютъ пріобрѣсти рабовъ, то люди, обладающіе физическими способностями, будутъ въ состояніи предлагать на рынкѣ свои услуги на условіяхъ выгоднѣйшихъ, нежели прочіе члены общества, особенно, нежели нравственные дѣятели. Итакъ второе это возможное послѣдствіе промышленной бури, равенство фортунъ, естественнымъ и непремѣннымъ исходомъ имѣетъ или рабство, или преобладаніе въ обществѣ грубой силы, и во всякомъ случаѣ общественный застой.

Если допустить, что данный промышленный кризисъ, причиненный введеніемъ машинъ не успѣлъ привести даннаго общества къ состоянію, которое мы только что описали: что не всѣ работники общества удалились и вымерли, что осталось извѣстное ихъ число, и что они въ такомъ состояніи, что могутъ сбывать свой трудъ, съ нѣкоторою выгодою; если допустимъ въ тоже время, что даже ихъ состояніе постепенно улучшается, и фортуна ихъ приближается къ уровню другихъ фортунъ,—что тогда? Очевидно, первѣйшій интересъ прочихъ членовъ общества, состоитъ въ томъ, чтобы такое улучшеніе участи работниковъ не состоялось; приведенныя слова Робака все-таки имѣютъ значеніе и смыслъ...

Здѣсь естественно рождается вопросъ, почему настоящія общества не доходятъ до описанныхъ двухъ крайностей, составляющихъ естественный исходъ настоящаго теченія общественной экономической жизни, почему или всѣ до одного работника не вымрутъ, или почему не уравняются всѣ фортуны и общество не обратится къ варварству? Отвѣтъ не труденъ. Этому препятствуютъ различныя палліативы, различныя экономическія микстуры и пластыри, смягчающіе симптомы общественнаго недуга, какъ-то: кредитъ, налоги въ пользу бѣдныхъ и вообще благотворительность, ассоціація и наконецъ сама живучесть общества, жизненная сила, которою обладаетъ общество, и которая противодѣйствуетъ направленію, принятому настоящею цивилизаціею. Эта жизненная сила общества проявляется въ возможности удовлетворенія потребности не на основаніи мѣны, въ теперешнемъ ея видѣ, но прямо изъ естествен-

ного источника, изъ силъ природы. Капиталисты, въ теперешнихъ ея формахъ, стремятся къ тому, чтобы все естественное богатство общества превратить въ богатство мѣновое, чтобы удовлетвореніе потребностей въ обществѣ сдѣлать возможнымъ единственно на основаніи цѣны, въ теперешнемъ ея видѣ, и потому противодѣйствуютъ этой главнѣйшей силѣ общества. Чѣмъ дальше такое общество [illegible] на пути къ высшей цивилизаціи, тѣмъ оно бываетъ [illegible] изъ своихъ исходныхъ состояній, то есть въ сторону разрушенія. (*) Главною причиною разрушенія древнихъ обществъ Греціи, Италіи и Рима было экономическое развитіе, [illegible] организація экономическихъ интересовъ, [illegible] открытой борьбой всякой функціи общественной жизни, удовлетворяющей потребности. Политика не наше дѣло, но мы не можемъ не спросить: не только-ли самое угрожаетъ и нынѣшнимъ обществамъ и [illegible] смотрѣть вперёдъ на теперешнее состояніе [illegible] цивилизованныхъ обществъ Европы и Америки?..

Въ настоящемъ [illegible] подробно изслѣдовать [illegible] отвѣтимъ и предложимъ [illegible] устранить окончательный [illegible] прежде рѣшить другія задачи, [illegible] экономической жизни; [illegible] дѣйствій, когда [illegible] народонаселенія, который [illegible] необходимымъ [illegible] сказать нѣсколько словъ [illegible] ассоціаціяхъ. Именно, [illegible] нашего времени, мы скажемъ о [illegible] которые появились [illegible] Англіи и Германіи. [illegible] эти случаи ассоціаціи [illegible] одинъ изъ нихъ [illegible] мѣстей для достиженія [illegible] другіе представляютъ соединенія [illegible]. Изъ этихъ соединеній и товариществъ [illegible]

(*) Англійскій [illegible] Рикардо, [illegible] Сисмонди [illegible]

что они будутъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ пауперизма, что они дадутъ работникамъ средства дешевле удовлетворять ихъ потребности, жить и развиваться, и, съ другой стороны, дадутъ имъ средства успѣшно бороться съ капиталистами; или другими словами, по доходу и фортунѣ, приблизиться, если не сравняться, съ достаточными классами общества. Посмотримъ: основательны-ли эти надежды, и чего ожидать можно отъ ихъ осуществленія? Относительно товариществъ перваго рода, имѣющихъ цѣлью экономію въ потребленіи, ихъ окончательный результатъ очевидно тотже, что и свободы торговли; мы уже его разсмотрѣли, никакъ не можемъ возлагать на него большихъ надеждъ. Товарищества втораго рода, на мѣсто нѣсколькихъ работниковъ, образуютъ одного предпринимателя промышленности, капиталиста; къ существующимъ уже въ обществѣ предпринимателямъ промышленности и капиталистамъ прибавляютъ ихъ еще нѣсколько. Эти образовавшіяся вновь собирательныя лица, имѣющія качество капиталиста и предпринимателя промышленности, все-таки находятся въ тѣхже совершенно отношеніяхъ къ прочимъ промышленнымъ дѣятелямъ, какъ и остальные капиталисты и предприниматели промышленности. Экономическія условія общественной жизни остаются совершенно тѣже, что и прежде; количество дохода все-таки обратно-пропорціонально изобилію полезныхъ предметовъ; поэтому допустивъ даже, что всѣ безъ исключенія промышленныя предпріятія будутъ основаны на принципѣ ассоціаціи, все-таки окончательный результатъ экономической жизни будетъ тотже, что и до введенія ассоціацій; антагонизмъ интересовъ, между работниками, съ одной стороны, и предпринимателями промышленности и капиталистами съ другой, прекратится, но антагонизмъ между предпринимателями различныхъ родовъ промышленности останется во всей своей силѣ.

Допустимъ даже, что введеніе въ общество этого рода ассоціаціи вполнѣ достигло своей цѣли, совершенно вооружило работниковъ, для экономической борьбы съ капиталистами, т. е. совершенно уравняло между собою всѣ фортуны;

мы уже видѣли какія изъ этого выйдутъ послѣдствія, если при этомъ коренныя условія экономической дѣятельности останутся тѣже, что и теперь; послѣдствія эти вовсе неблистательны, но онѣ неминуемы.

Сдѣлаемъ здѣсь замѣчаніе, которое намъ придется повторить впослѣдствіи при изслѣдованіи одного важнаго вопроса, что всѣ улучшенія, вводимыя въ экономическую жизнь общества, не уничтожающія коренной причины экономическаго недуга, производятъ путемъ положительнымъ тотже результатъ, который производятъ промышленныя бури и кризисы путемъ отрицательнымъ. Если промышленная буря, уничтожая многихъ промышленныхъ дѣятелей, усѣкаетъ, такъ-сказать, пирамиду, посредствомъ которой мы изобразили сумму фортунъ общества, плоскостью параллельною ея основанію, то всякое экономическое палліативное улучшеніе (напр. ассоціація) добавляетъ нѣкоторое число такихже дѣятелей или равныхъ по фортунѣ прежде существующимъ, или ихъ бѣднѣе, и, слѣдовательно, существеннымъ образомъ, пирамиды не измѣняетъ. Если промышленная буря, уничтоживъ бѣдное народонаселеніе даннаго общества, уравняетъ всѣ фортуны и перемѣнитъ экономическую пирамиду въ *параллелепипедъ*, то тогоже совершенно результата достигнетъ и всякое улучшеніе, не уничтожившее бѣднаго народонаселенія, но уравнявшее въ обществѣ фортуны. Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ, настоящее благосостояніе не достигается, и неизбѣжность возврата экономическихъ бурь и кризисовъ не устраняется ни мало.

Скажемъ въ заключеніе о машинахъ тоже, что мы уже сказали о свободѣ торговли: машины безспорно полезны, ихъ введеніе въ обществѣ должно бы приносить только пользу, но на самомъ дѣлѣ оно приноситъ вредъ несомнѣнный; отсюда мы заключаемъ что теперешнія условія общественно-экономической дѣятельности не нормальны.

И. Ястржембскій.

О НѢКОТОРЫХЪ

ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ УСЛОВІЯХЪ СЕЛЬСКАГО БЫТА

ВЪ ЛИТВѢ.

Намъ удавалось читать и выслушивать много толковъ объ условіяхъ быта крестьянъ западныхъ провинцій. Вездѣ и во всемъ, что касалось этого вопроса, проводилась одна нить упрека бѣдному мужику, литвину и бѣлоруссу, въ лѣни, беззаботности и вялости, пристрастьи къ пьянству и проч. Всѣ говорили о необходимости постоянной надъ нимъ опеки, объ опасности снять ее въ настоящее время. Приводили факты въ родѣ тѣхъ, что помѣщики большею частію принуждены заботиться не только объ уборкѣ своихъ полей, но и хозяйствѣ собственно ихъ крестьянъ. Всѣ эти отзывы о безпомощномъ состояніи здѣшняго крестьянина были справедливы, какъ нельзя болѣе. Но вопросъ, поможетъ-ли опека теперь, когда она не помогла въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ? Въ чемъ, наконецъ, кроются основныя причины такаго положенія здѣшняго крестьянина?

Въ настоящее время многое уяснилось, много спорнаго сдѣлалось уже доказанною истиною; много такаго, о чемъ уже перестали спорить.

Бѣлоруссу и литвину нельзя отказать въ даровитости. Въ основныхъ чертахъ характера этихъ племенъ, сливающихся между собою, вы подмѣтите много высокихъ, глубоко-нравственныхъ сторонъ. Не смотря на тяжесть всякаго рода лишеній, они со-